

Министерство образования и науки Российской Федерации
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

ВСПОМИНАЯ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Сборник материалов

Архангельск

2012

УДК [94(47).084+378.1](470.11)(082)

ББК 63.3(2)63р31 я43

74.58р31 я43

В 857

Составитель: Э.Н. Осипова

Редакционная коллегия: М.Н. Бабушкина, И.Ф. Демина, Г.С. Лузгарева,
Г.А. Сметанина (отв. ред.)

*Печатается по решению редакционно-издательской комиссии Института
филологии и межкультурной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова*

В 857 Вспоминая студенческие годы: сборник материалов / сост. Э.Н. Осипова; отв. ред. Г.А. Сметанина; редкол.: М.Н. Бабушкина и др.; Северный (Арктический) федерал. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2012. – 100 с.;

[л.ил.].

ISBN

Материалы сборника представляют воспоминания самих выпускников и о выпускниках 1962 года историко-филологического факультета Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова: их студенческой жизни, преподавателях, педагогической работе, жизни, творчестве.

Предназначается молодежи, выбирающей жизненный путь.

УДК [94(47).084+378.1](470.11)(082)

ББК 63.3(2)63р31я43

74.58р31я43

ISBN

© Осипова Э.Н., составление, 2012

© Северный (Арктический) федеральный университет, 2012

© СОЛТИ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
О нашей студенческой жизни	5
Выпуск 1962 года (<i>Осипова Э.Н.</i>)	5
Как мы учились (<i>Кузнецова Е.Д.</i>)	7
Жизнь в «семисотке», 1957-й (<i>Александровская Г.С.</i>)	10
Вместе к Пушкину! (<i>Сметанина Г.А.</i>)	12
Студенческая дружба свята (<i>Бабушкина М.Н.</i>).....	15
Наши наставники	17
Слово о преподавателях (<i>Осипова Э.Н.</i>)	17
Начало пути в науку (<i>Федорова Л.В.</i>)	26
Я благодарна Вам... (<i>Демина И.Ф.</i>)	36
О друзьях-товарищах	39
Веет теплом юности (<i>Лузгарева Г.С.</i>)	39
Володя и однокурсники (<i>Осипова Э.Н.</i>)	40
О нашем Володе (<i>Шапарова И.П.</i>)	45
Володя и его стихи (<i>Бабушкина М.Н.</i>)	47
Незамутненная мечта профессора Осипова (<i>Я. Бобылкина</i>)	48
Муся (<i>Демина И.Ф.</i>)	52
Наш Юрочка (<i>Демина И.Ф.</i>)	55
Хранитель (<i>Шеваров Д.</i>)	59
Вспоминаю своих друзей (<i>Кузнецова Е.Д.</i>)	64
Рождественские встречи (<i>Лузгарева Г.С.</i>).....	68
А годы летят	71
Наша славная однокурсница (<i>Осипова Э.Н., Александровская Г.С.</i>)... 71	71
Дружба, понимание – вот главное (<i>Лузгарева Г.С.</i>)	75
Наш куратор – ветеран Вениамин Павлович (<i>Сметанина Г.А.</i>)	78
Не отрекаются любя... (<i>Сметанина Г.А.</i>)	80
Николай Пиличев и Арзен Ухаль (<i>Кузнецова Е.Д., Осипова Э.Н.</i>)	85
Слово о друге юности (<i>Бабушкин В.А.</i>).....	88
Династия Бабушкиных (<i>Бабушкин В.А.</i>)	89
Спроси у жизни строгой, какой идти дорогой (<i>Покровская Е.Н.</i>)	93
Вместо заключения	97

От редколлегии

Мы, окончившие педагогический институт пятьдесят лет назад, собираясь вместе, часто вспоминаем свои студенческие годы, говорим о своей жизни, работе, которую недавно оставили, выйдя на пенсию. Постепенно окрепла наша мысль написать небольшой сборник обо всем, что нам дорого в этой жизни. К 50-летию выпуска наша задумка получает воплощение. Думаем, что это важно и для молодого поколения (как видите, мы не можем не быть педагогами, воспитателями), и для истории нашего АГПИ – ПГУ имени М.В. Ломоносова, который осенью 2012 года мог бы отметить свое 80-летие, но год назад вошел в состав большого университета федерального значения, сохранившего имя нашего великого земляка. История и развитие педагогического и лесотехнического вузов заложены в фундаменте Северного (Арктического) федерального университета, и нам важно не растерять это, а собирать и пропагандировать наше прошлое, без прошлого невозможно будущее.

В этот сборник помещены, главным образом, воспоминания самих выпускников 1962 года, их краткие очерки о жизненном пути однокурсников, а также воспоминания тех преподавателей факультета, которые здравствуют ныне и помнят бывших студентов этого выпуска.

Мы намеренно использовали для оформления обложки сборник «Ровесник факультета», изданный на филфаке к 75-летию АГПИ–ПГУ. Наш сборник можно считать продолжением и приложением к сборнику 2007 года.

История пишется нами... Это наша с вами история...

О НАШЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

**Жизни студенческой годы...
В деле – духовная новь:
Знаний посевы и всходы,
Пробы души на любовь.**

Э.Н. Осипова

Выпуск 1962 года

Наш курс 1957–1962 годов был единым курсом историко-филологического факультета, без разделения на историков и русистов-литераторов, учебный план предусматривал широкопрофильную вузовскую подготовку. Область остро нуждалась в учителях с высшим образованием; выросла сеть средних школ в области, в 1956 году была отменена плата за обучение в 8–10 классах. Раздельная подготовка учителей-историков и учителей-словесников и прием на два разных отделения одного факультета были прерваны почти на десятилетие.

В 1957 году это был всего лишь второй или третий прием на широкий профиль подготовки. Принималось по пятьдесят человек. Конкурс был очень большой. Так, в наш –1957 – год было подано более трехсот заявлений, и ответственная за прием на факультет – Капитолина Ивановна Семенова – со всеми знакомилась, беседовала; активно работал на приеме и декан факультета Георгий Георгиевич Фруменков. Зачислены сдавшие на «хорошо» и «отлично» все четыре вступительных экзамена (литература и русский язык, сочинение по литературе, история СССР и иностранный язык), окончившие педучилища, имевшие трудовой стаж (у них оценки могли быть пониже), воспитанницы детских домов, интернатов и юноши после службы в армии. Тринадцать юношей и тридцать три девушки, многие – выпускники сельских школ... Жить пришлось в деревянном общежитии-«семисотке» (да и то не всем хватило мест), не только без пап и мам, но для большинства и с минимальной помощью из дома. Студентами мы были не просто старательными, а серьезно относившимися к учебе, жизни, своему поведению. Дух коллективизма был во всем, нас и воспитывал коллектив, преподаватели в редких слу-

чаях прямо вмешивались в дела на курсе, а кураторы в своей воспитательной работе стремились прежде всего помочь студентам в учебе, жилье, материальном положении.

На курсе в равной мере работали преподаватели всех трех кафедр факультета: истории (заведующей кафедрой была доцент Клавдия Степановна Иванова), русского языка (руководила ее работой доцент Капитолина Ивановна Семенова) и литературы (зав. кафедрой был доцент Анатолий Григорьевич Беднов). Естественно, у нас были все предметы и общественного цикла: история КПСС, диалектический материализм, исторический материализм, научный атеизм, политическая экономия. Их вели преподаватели кафедры марксизма-ленинизма (так называлась эта единая кафедра до 1971 года). Преподаватели кафедры педагогики вели логику, психологию, педагогику, историю педагогики. Было у нас и физвоспитание (занятия проводились по разным секциям), и спецподготовка (гражданская оборона), спецсеминары, спецкурсы и курсовые работы по всем трем кафедрам. Начиная со второго курса проходили педагогическую практику: четыре семестра – пассивную: мы были воспитателями, помощниками классных руководителей, вожатыми, причем не «отрабатывали» какие-то три–четыре недели, а систематически работали в течение каждого семестра, приходили в свой класс раз–два, если нужно, то и три раза в неделю, в школьные каникулы обязательно организовывали какие-либо походы, сборы. После окончания третьего курса была обязательная практика в пионерских лагерях (один – вожатый, другой – воспитатель на одном отряде), а на IV и V курсах уже в роли учителя в школах города, а затем и районов области. Более того, на пятом курсе нам пришлось разделиться, образовать рабочие пары и каждому работать по две четверти в отдаленных школах области, где не было учителей; так что в 1961/1962 учебном году преподавателям пришлось дважды провести свои предметы на пятом курсе. По окончании института почти все мы поехали работать в школы области по распределению государственной комиссии, не выдвигая никаких требований ни о жилье, ни о заработной плате. В наших дипломах запись:

«Присвоена квалификация и звание учитель русского языка, литературы, истории». Почти все наши девушки стали словесниками, вели в школе литературу, русский язык, а юноши пошли по общественной стезе – и в школе, и на другой работе.

«О нашем курсе,– пишет Галя Шашкова, Галина Ливерьевна Покровская,– самые незабываемые воспоминания. Замечательные однокурсники, прекрасное время! Мы получили прекрасное образование! У нас были замечательные преподаватели! Мы учились, учились учиться, дружить... потом и в жизни учили и учились...».

Е.Д. Кузнецова

Как мы учились

Перебираешь старые фотографии, перечитываешь письма... Ничего не забывается. Это навсегда с тобой. Возможно, это и есть самое ценное, самое дорогое.

Помню свой курс, свою 1-ю группу, преподавателей, аудиторию, даже место, где всегда сидела на лекциях, семинарских занятиях.

Наш курс был все же особенный. С годами это понимаешь все отчетливей. Тринадцать юношей из пятидесяти зачисленных. Многие, хотя, конечно, не большинство, не прямо со школьной скамьи: отслужили в армии Николай Пиличев и Арзен Ухаль, окончили педучилище и поработали Муся Антропова, Эля Мартюшина, Варя Канева, имели трудовой стаж Валентин Поженский, Владимир Осипов, Ира Брызгунова, Рудольф Ханталин... Есть девочки-сироты: еще не так давно окончилась война... Есть выпускники городских школ, но многие – из сельских... Присматривались друг к другу...

Как же все это было непросто. Трудно привыкалось к образу жизни студента, к быту, совсем не устроенному. В последние годы школьной жизни я жила в детском доме, там все по расписанию... А тут никто о тебе не думает, ничего, кроме расписания занятий, не регламентировано. Хотела уже бро-

сдать институт, искать работу. Поддержала учительница Капитолина Ермолаевна Никулинская (тогда из 70-й школы).

Лекций никогда не пропускали, готовились по мере сил и к семинарам. Никто не хотел получать удовлетворительные оценки, да и стипендия была нужна всем. Привыкли и к нашей столовой, ее еде, что-то стали готовить и в комнате (в ней могло быть 10–14 человек). Стали иногда ходить в кино и даже на танцы. Научились и одеваться по-городскому.

В общем, стали студентами, подружались... Моей верной подругой на всю жизнь стала Клава Носова из Нарьян-Мара, подружилась с Володей Осиповым, Мусей Антроповой, многими девчонками в общежитии.

Вспоминаю поход-путешествие нашего курса в Сийский заповедник, его организаторов Арзена Ухаля, Валерия Бабушкина, Гену Жданова, Володю Садилова, Валерия Шубина и всех-всех, нас собралось тогда более двадцати однокурсников, таких неугомонных, веселых и неунывающих. Рассматриваю фотографии: вот мы на лодках на озере Смердье, вот снимаем Гену Жданова с высокой березы, вот Марта Кожукова и Валера Бабушкин...

Нам нравились наши преподаватели, их манеры, отношение к студентам, к своим преподавательским обязанностям. Мы часто вспоминаем Г.Г. Фруменкова, его лекции, его шутки, веселый нрав, П.Л. Артюхова, его знание текстов, чтение стихов, М.И. Парамонову, ее заботу о нашей профессиональной подготовке, А.Г. Беднова, Л.В. Федорову, Т.Ф. Лаврову, А.Г. Рудова. Это были настоящие учителя-преподаватели вуза! Моим любимым преподавателем на первом курсе был Алексей Германович Гемп. Это был настоящий интеллигент, человек высочайшей культуры и образованности, слушать его было так интересно. Помню, как сдавала экзамен в летнюю сессию, даже вопрос помню: «Второй поход Спартака». Я рассказываю-рассказываю, а Алексей Германович слушает-слушает, а потом осторожно так говорит: «Голубушка, вы переучили, перепутали: это все же третий поход». Началась беседа, и я получила в зачетку «хорошо».

На втором курсе нам с Клавой очень нравились занятия Абрама Григорьевича Рудова. Специально садились за первый стол, чтобы слышать все, что он говорит. Говорил он негромко, подчас ворчливо. Иногда обращался и прямо к нам, но все же путал нас, хотя мы с ней были совсем не похожими.

А сколько «возилась» с нами Валентина Ивановна Рудова, его жена. Приобщала нас к искусству, особенно Древней Руси, водила в музеи, на выставки. Мы на всю жизнь сохранили тягу к прекрасному, учили в дальнейшем своих учеников понимать искусство.

Помню лекции и практические занятия по исторической грамматике у Маргариты Викторовны Сыромли. Строгая, требовавшая точности. Многие отрывки из текстов грамот мы выучили наизусть. Кстати, девчонки поддразнивали меня, считали, что я похожа на Маргариту Викторовну не только внешне (небольшая, кругленькая, светловолосая), но и дотошностью в каждом деле. С этим связана курьезная история, произошедшая с Тамарой Васильковой: в очереди на абонемент в библиотеке (учебников было маловато, такого разнообразия, как в настоящее время, не было) она приняла за меня М.В. Сыромлю и, хлопнув ее по плечу, выкрикнула: «Не стой! Я два учебника у Сыромли утащила!». Потом в аудитории мы от души смеялись, а сколько было переживаний у Тамары!

Спасибо преподавателям! Они взрастили нас достойными людьми, мы все честно жили и служили своему делу – школе, науке, обществу. И детей своих мы растили в таком же духе: замечательные сыновья у В. и Э. Осиповых, Г. Кадулиной, И. Тарутиной, А. Петуховой, М. Антроповой, Ю. Васильева, Т. Васильковой, дочери у В. и М. Бабушкиных, Г. Синицыной, дочь и сын у Н. Пиличева, Р. Ханталины, К. Носовой, Г. Шашковой... Многие из наших детей получили высшее образование в нашем Архангельском педагогическом институте: исторический факультет окончили сыновья Осиповых, И. Тарутиной, Р. Ханталины, факультет русского языка и литературы – дочери Г. Шашковой и старшая Бабушкиных (обе верны учительской профессии), В. Садилова, факультет иностранных языков окончила дочь Л. Щекиной,

младшая Бабушкина, естественно-географический факультет – дочь К. Губкиной, факультет госуправления – сын Г. Кадулиной. А теперь уже учатся и внуки: Светлана Осипова (на математическом факультете), Елена Сметанина (на факультете госуправления)... Пусть эта эстафета продолжается.

Г.С. Александровская

Жизнь в «семисотке», 1957-й

Мы выдержали испытания: поступили в институт! А конкурс был немалый. Впереди ждала студенческая жизнь.

Нас, иногородних, поселили в «семисотке», единственном общежитии пединститута, большом двухэтажном деревянном здании, построенном в виде буквы «П». В правом крыле здания жили студенты, в левом – преподаватели со своими семьями, а в центральной части, с главным входом, комнаты преподавателей и студентов вообще были рядом. Кухня, умывальная комната были общими. На втором этаже центральной части был даже телефон, аппарат висел на стене, и мы могли пользоваться им. Мы с гордостью говорили: «Живу в семисотке», «Иду в семисотку». Слово «общежитие» (тем более «общага», которое в ходу у нынешних студентов) не звучало. И неважно, что в одной большой комнате нас было 14 девочек, что кровати стояли попарно, а между парой кроватей – почти вплитык тумбочка, одна на двоих. Даже при такой расстановке часть тумбочки (ее верхняя или нижняя полка) доставалась не каждой, и для них была каким-то образом пристроена тумбочка около дверей. Посередине комнаты стоял большой стол, было несколько стульев и табуреток и еще шкаф для одежды.

Старостой комнаты была Валя Быняева, поочередно каждый день одна из нас была дежурной по комнате. Дежурная подметала и мыла пол, вытирала пыль везде (санитарная комиссия общежития раз в неделю обязательно проверяла чистоту в комнатах). Отопление в «семисотке» было печное, и дежурная должна была топить печь. Далеко не всем это хорошо удавалось:

дрова были сырые, толстые, лучше было заблаговременно принести их с улицы.

Жили мы дружно, никаких ссор, скандалов, обид. Если кто-то получал посылку из дома, ее содержимое тоже было общим, угощались все. Особенно всегда старались угостить нас, девочек из детских домов: меня, Катю, Гелю, Тамару. В последнюю неделю перед стипендией денег у всех оставалось мало, выход находили такой: складывали вместе деньги, остатки продуктов от домашних посылок и довольно разумно все распределяли.

Конечно, новая жизнь была непривычна. Поначалу трудно давалась и учеба: надо было усваивать сразу большой материал по истории, литературе, языкознанию. Не раз заходила к нам в комнату секретарь комсомольской организации факультета Тамара Тетерина (Гудима), студентка IV курса. Она поддерживала нас морально, подбадривала студенческими байками, говорила об умении организовать учебу, о предметах, о том, как нам повезло учиться у таких замечательных и опытных преподавателей, как А.Г. Гемп, И.А. Елизаровский, Е.Ф. Плотникова, Г.Г. Фруменков.

Мальчики с нашего курса тоже жили в «семисотке» – в двух небольших комнатах по четыре человека. Новый 1958-й год мы решили встретить вместе в нашей большой комнате. В буфете купили винегрета, конфет, несколько бутылок лимонада, были и две бутылки вина – портвейна. Об этой «встрече» сразу стало известно нашему декану Г.Г. Фруменкову. В первый же учебный день нового года (а это было второе января) он вызвал в деканат старосту комнаты, с ней еще кого-то и спрашивает: «Ну что, пили?» - Валя Быняева отвечает: «Да, лимонад». - «Чем закусывали?» – иронизирует декан. - «Винегретом», – отвечает смущенная Валя. Так у нас появилась своя байка: «Что пили? Лимонад. Чем закусывали? Винегретом».

Трудными были первые годы, но мы были молодыми, у нас было столько энергии, желания учиться, что не замечали ничего негативного в жизни. Во всем видели нужное для себя, для окружающих. Так, уже в первый свой студенческий сентябрь дружно поехали «на картошку», а потом с моло-

дым задором работали на строительстве корпуса нового общежития. Занимались в разных кружках, спортивных секциях. Обязательно ходили на демонстрации 7-го ноября и 1-го мая, дружные, нарядные. Я храню фотографию, на которой девочки-первокурсницы из нашей комнаты № 122: сидят (слева направо) Зина Волкова, Лиля Никичур, Тамара Василькова, Муся Антропова, Геля Мылюева; стоят Валя Гурьева, Валя Быняева, Катя Губкина, Эля Мартюшина и я, Галя Леонтьева. Нет здесь Гали Синицыной, Гали Кадулиной, Клавды Носовой и Вали Жилиной, куда-то ушли, занимались, а фотография сделана прямо в нашей комнате на фоне натянутой простыни.

Из «семисотки» мы переселись в новое общежитие только после окончания трех курсов. И преподавателям постепенно стали давать квартиры в городе, переехали из «семисотки» семьи (все имели двух детей) Капитолины Ивановны Семеновы, Людмилы Витальевны Федоровой, Маргариты Викторовны Сыромли, Анатолия Григорьевича Беднова, уехали сестры Парамоновы Нина и Маргарита Ивановна, Татьяна Федоровна Лаврова. Но все – и студенты, и преподаватели – помнили «семисотку», простую, естественную жизнь в ней в нашу молодую пору.

Г.А. Сметанина

Вместе к Пушкину!

В начале февраля 1962 года – в 125-й год со дня гибели А.С. Пушкина – мы, группа студентов АГПИ, и прежде всего студентов истфила, участников спецсеминара Лидии Ивановны Лениной, отправились в поездку по пушкинским местам. Проезд, проживание, питание, экскурсии – все было оплачено нашей alma mater, такой подарок нам был сделан на V курсе. И вот все мы впервые в Ленинграде, живем в общежитии ЛГПИ на улице Желябова.

Идем по Невскому проспекту и представляем: здесь были Пушкин, Блок, Гоголь, Некрасов, Достоевский, Есенин... Долго стоим у памятника Пушкину на площади Искусств. Посетили музей-квартиру поэта на Мойке, 12. В прихожей видим жилет, в котором Пушкин был на дуэли, посмертную

маску поэта, медальон с прядью его волос. Каминные часы всегда показывают 2 часа 45 минут пополудни. В кабинете – полки с книгами (около четырех тысяч на четырнадцати языках!), письменный стол, на нем гусиное перо, бронзовая чернильница с фигуркой арапчонка, рукописи...

Конечно, мы побывали и в Царском селе, в Лицее. Конференц-зал... Здесь Пушкин читал стихи Державину... Учебные классы, кабинет для газет и журналов, библиотека. Глобус, географические карты. Рисунки лицейстов... Комнаты-«кельи», в каждой – железная кровать, комод, конторка с чернильницей, подсвечником и щипцами, стул, стол для умывания, зеркало. Комната Пушкина – № 14, а рядом – Пушина, № 13. За шесть лет лицеисты полюбили друг друга, стали друзьями, пронесли эту дружбу через всю жизнь. Мы смотрели, слушали, сравнивали...

Но самые яркие впечатления у нас были от Пушкинского заповедника: Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь с могилой поэта. Сюда он приезжал в 1817, 1819 годах, полный радужных надежд и стремлений; здесь провел «изгнанником два года незаметных» в 1824–1826 годах; сюда стремился, чтобы насладиться покоем и волей; здесь, «ближе к милому пределу», завещал похоронить свой прах. Все это мы знали, а теперь и прочувствовали...

Михайловское – «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». В центре усадьбы над Соротью дом – «скромная... обитель». С волнением оглядываем кабинет Пушкина: портреты на стенах, камин, письменный стол и рядом низенькая скамеечка для ног, железная трость, книжная полочка красного дерева... Кажется, Пушкин рядом...

Входим в «домик няни» Арины Родионовны. Маленький деревянный флигелек. В нем две комнатки: светелка и банька. Видим деревянную шкапулку с надписью: «Для черного дня». Ясно представляем: скачет уставшая тройка, ближе, ближе... Сейчас покинет поэт коляску, взбежит на крыльцо, откроет дверь – и спицы выпадут из няниных рук.

Медленно идем по Михайловскому парку: по широкой еловой аллее, липовой – «аллее Керн», по которым гулял он, великий Пушкин. «Каждую ночь гуляю по саду, повторяю себе: она была здесь – камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа».

Парк и усадьба замыкаются прудами, в середине одного из них – «Остров уединения», любимый уголок поэта. Через нижний пруд перекинут горбатый мостик... Незабываемое, волнующее чувство, будто встретились с этим... живым, курчавым, молодым, в широкополой шляпе, с тростью в руке...

Были мы и в Тригорском, в имении соседей и друзей Пушкина – Осиповых–Вульф. Усадьба расположена на одном из трех холмов. Почти на четвереньках «вползли» на крутой холм, было пасмурно, скользко... Дом тогда еще не был восстановлен, но представляем, как при Пушкине он был полон хорошеньких барышень, которые обожали не только стихи, но и их автора. Здесь, в Тригорском парке, видели тот самый «дуб уединенный» – трехсотлетний «патриарх лесов»... Посидели на скамье Онегина, вспоминали строчки из романа... Парк покоряет, очаровывает не только красотой. Он весь «онегинский», весь пушкинский. Покидая его, будто расстаешься с Пушкиным, Онегиным, Татьяной...

В четырех километрах от Михайловского – Петровское – родовое имение Ганнибалов, предков Пушкина. Господский дом не сохранился. Гуляли по парку. Главные деревья в нем – липы. И не просто липы, а липы-великаны и липы-карлики... Посетили и Савкину горку – остатки древнего укрепления на берегу Сороти между Тригорским и Михайловским. Пушкин мечтал здесь поселиться.

А вот и Святогорский монастырь, построенный по приказу Ивана Грозного в 1569 году. От Братского корпуса, где когда-то находились монастырские кельи, две старинные лестницы из огромных камней-валунов ведут к Успенскому собору. У его восточной стороны могила поэта... к ней еще 46 ступенек вверх. Скромный памятник... Рядом на холме деревья... Сторо-

жат покой поэта. Все вокруг, как хотел Пушкин,— жизнь, радость, труд и неизменная красота русской природы.

Мы были у Пушкина зимой. Поэтому не видели, как цветет сирень у домика няни, не видели синей глади озер, Сороти среди цветущих лугов, не слышали соловьев, не встречали рассвет на городище Воронич, не любовались закатом на озере Маленец... Но все это мы ясно представляли, полюбили, как Пушкин. Покидая Пушкиногорье, мы уносили с собой светлый образ поэта, звуки его стихов, чарующую прелесть пушкинских мест. И еще мечту — вновь вернуться сюда, в михайловские рощи к любимому поэту.

М.Н. Бабушкина

Студенческая дружба свята

«Друзья мои, прекрасен наш союз! Он как душа неразделим и вечен...» — все помним эти пушкинские строки. Это и о нас тоже: студенческой дружбе мы верны более 50-ти лет. Что объединяло нас? Безусловно, существует определенное родство душ. Все мы не случайно определились на историко-филологический. Лекции, семинары, студенческие вечера — все объединяло, мы узнавали друг друга и учились понимать. А наши экспедиции по собиранию фольклора, живой диалектной речи нашего Севера, Подвинья... И осенью обязательная работа на колхозных-совхозных картофельных полях...

Помнится наш поход на озеро Смердь... Осень, костер, песни, катание на лодках... и объяснение в любви. Вот там и покорило мое сердце красавец, певец, баянист, спортсмен Валерий Бабушкин. Пятьдесят лет идем мы по жизни вместе. И это была бы счастливая жизнь, если бы не обрушившееся на нас страшное горе. Помогли пережить нам эту беду друзья юности, однокурсницы Ира, Эля, Галя, Миля...

«Святому братству верен я», — так может сказать каждый из нас. У нас на юбилей — моем 60-летию — собралась почти вся группа. Миля Мякокина прочитала свой экспромт:

Все так же Эля хороша!
 Тамара молода!
 Сверкают Галочек глаза,
 Потуплен Инны взгляд,
 Все так же тверды голоса
 У наших у ребят.
 Поет Иринка для друзей,
 Наш звонкий соловей!
 А о себе я умолчу
 Из скромности своей.
 Сидим за праздничным столом,
 Сердца в одно слились!
 Как хорошо, что снова мы
 Сегодня собрались!

Старается собрать как можно больше нас, институтских товарищей, друзей добрая, радушная хозяйка наших рождественских встреч Галя Кадулина. Володя Осипов бывал на этих встречах, внимал шумным разговорам, и, наверное, именно здесь у него родились строчки, которые он запечатлел в своем философском «Слове о жизни и душе»:

В иные лица надобно вглядеться,
 Чтоб красоту увидеть и понять –
 Ту красоту, что светится из сердца,
 Что лишь душою можно воспринять.

Нет с нами сегодня Володи Осипова, Валеры Шубина, Коли Пиличева, Юрочки Скобелева, Клавы Носовой, Вари Каневой, Шуры Петуховой, Муси Антроповой, Гали Белоруковой... Мы оплакивали эти потери, как самых близких, дорогих людей. «Кому ж из нас под старость день лица торжествовать придется одному?», – вопрошал Пушкин. Но не будем думать об этом.

Мы не зря прожили свою жизнь. В школе пробуждали у своих воспитанников добрые, светлые начала души, учили любить свое Отечество, свою землю. Мы продумывали уроки так, чтобы дети почувствовали красоту своей малой родины, Севера. Трудно учительское счастье, но и радостно, оно наполняло нашу жизнь. И теперь уже наши ученики не теряют эту связующую нить, говорят нам слова благодарности, как мы своим учителям!

НАШИ НАСТАВНИКИ

**Мои счастливые мгновенья
Живут не в памяти моей,
Они в душе – как просветленья –
И чем счастливей, тем сильнее.**

Э.Н. Осипова

Слово о преподавателях

С большой благодарностью многие из нас вспоминают своих преподавателей. Среди них были глубоко образованные интеллигенты старого русского типа. Алексей Германович Гемп преподавал нам, первокурсникам, историю Древнего мира. Его воспитанность поражала нас: он вставал навстречу, если кто-то из нас, студенток, приближался к его столу, откланивался при прощании, и главное – стремился помочь нам овладеть обширным фактическим материалом по древней истории, объявляя примерно так: все желающие и те, кто имеет пропуски занятий, могут прийти в такой-то день в такое-то время в такую-то аудиторию. Я, помнится, приходила, и не один раз.

Наум Львович Сахарный преподавал у нас литературу античного периода. Под его влиянием начал складываться исследовательский талант Володи Осипова. Анализ психологической канвы трагедий В. Шекспира «Кориолан» и «Тимон Афинский» Володя продолжал в течение четырех лет. На V курсе Н.Л. Сахарный послал его большую итоговую работу на Всесоюзный конкурс научных студенческих работ, где она была отмечена Грамотой Министерства высшего и среднего образования.

Четыре года мы изучали мировую зарубежную литературу с Раисой Васильевной Френкель. Переводчик (в военное время тоже!), а в период наших младших курсов еще и декан факультета иностранных языков, она не жалела для нас времени, проводила консультации – учебных часов на зарубежную литературу в нашей широкопрофильной подготовке (учитель истории, русского языка и литературы) выделялось немного.

Современный русский язык нам преподавала Евгения Федоровна Плотникова, человек высочайшей культуры с безупречной выразительностью речи. Она требовала от всех обязательной грамотности (сколько упражнений нам задавалось для самостоятельной работы дома!), знания литературных норм, с нею мы учили латинские выражения (и даже сдавали наизусть, отвечая на ее вопросы).

Петр Леонович Артюхов познакомил нас с основами литературоведения. Помнится, как-то на лекции он предложил нам такой вопрос: какому сравнению облаков вы отдадите предпочтение – с белыми лебедями или с белыми барашками? Мы, конечно, выбрали «с лебедями»: облака, как белые лебеди. А Петр Леонович нам в ответ: «И вам не важен контекст? Природу какого края рисует поэт?» Так он вводил нас в мир поэзии разных народов, в мировую художественную поэтику. А на экзамене в первую (зимнюю) сессию, помню, задал мне вопрос: «Почему статья называется «К вопросу о...»?» И я что-то придумывала, а ответ лежал на поверхности... Да, «они творили нас с любовью» (слова Ирины Сидоровой, студентки уже в мои преподавательские годы).

Введение в языкознание (курса Теория языка, как и курсов Теория литературы, История критики в учебных планах пединституты не было) и старославянский язык у нас вел Иван Автономович Елизаровский, ученик известнейших ученых, знавший и академика А.А. Шахматова, и профессора Н.Н. Дурново́ и многих других историков русского языка, сам описавший лексику и грамматику лодемских деловых актов (334 грамоты, изданные Археологической комиссией в 1908 году). Мы были последними учениками Ивана Автономовича. В свои 76 лет он производил впечатление не пожилого человека, а заботливого наставника. Вспоминается, как объяснил он нам, семнадцати-, восемнадцатилетним различия в семантике инфинитива и супина (достигательного наклонения): если муж говорит жене: пошел ловить рыбу, то это еще не означает, что он наловит рыбы, а если он скажет: пошел ловить рыбу, то жена уже может чистить картошку для ухи.

Наши преподаватели были интересными людьми, замечательными во многих отношениях... Георгий Георгиевич Фруменков (в начале нашей учебы – декан, а затем ректор института), Татьяна Федоровна Лаврова, Клавдия Степановна Иванова (по-нашему КСИ), Юрий Константинович Новожилов, Алексей Николаевич Аксенов и даже методист по истории Александр Александрович (Сан Саныч) Андриянов (учебных часов по истории у нас было много) Вот спустя несколько лет его как председателя профбюро поздравление нашей – Осиповых семье: «Хоть это, может, и старо: Вас поздравляет профбюро! Элине мамой быть к лицу... Желаем счастья мы мальцу, пусть будет он могуч, здоров на восхищенье докторов!» (Таким Всеволод у нас и вырос, тьфу-тьфу-тьфу!)

Преподаватели русской литературы: Анатолий Григорьевич Беднов, Валентина Ивановна Рудова, Лидия Ивановна Ленина... Многие из нас изучали в спецсеминаре Лениной творчество А. Пушкина, она была инициатором и нашей поездки по пушкинским местам в зимние каникулы на V курсе

Капитолина Ивановна Семенова (зав. кафедрой русского языка) поддерживала профессиональный рост и преподавателей, и студентов. Помнится, как она беспокоилась о повышении грамотности Арзена и Коли, поступивших в институт после службы в армии. Она даже «прикрепила» к ним для дополнительных занятий студенток старшего курса. На III курсе по инициативе Капитолины Ивановны я и Галя Шашкова побывали в МГУ. Курсовые работы по русскому языку мы выполнили на своем региональном материале: Галя – о профессиональной лексике рыболовства, я – о топонимах Черевкова. Работы получились хорошие, с богатым материалом, и кафедра решила послать нас на студенческую конференцию в МГУ (студенты-филологи МГУ тогда уже начали свои экспедиции в нашу область, бывали со своим преподавателем О.Г. Гецовой у Капитолины Ивановны, она устраивала им ночлег, отправку в районы области). Была последняя неделя апреля. Стояла теплая весна, перебираться на железнодорожный вокзал нужно было на левый берег, через Двину, у берегов уже было много воды, нас провожали, мы перепрыги-

вали через лужи (все же не через полыньи)... – все помнится. Мы побывали в МГУ – в старом здании в самом центре Москвы и в новом – на Ленинских горах. В Москве было уже настоящее лето. Нас взял под свое крыло студент V курса Виктор Дерягин, все показывал, подробно рассказывал. Он уже бывал в экспедициях в Архангельской области, планировал продолжать изучение диалектов, работать над составлением Словаря архангельских говоров. По окончании МГУ стал работать в Коневе в редакции газеты, а уже через год Капитолина Ивановна взяла его ассистентом на кафедру и вместе с ним, его женой Светланой, Маргаритой Викторовной Сыромлей положила основание словарной картотеке АОС. Впоследствии Виктор Яковлевич стал известным ученым, доктором наук, но не забывал Архангельск, работал с богатейшими материалами нашего областного архива, привлек к этой работе наших студенток-филологов, была организована подготовка по лингвистическому краеведению, на факультете выросла большая группа лингвистов-историков языка.

Маргарита Викторовна Сыромля пришла к нам на курс в середине второго семестра, после кончины Ивана Автономовича, и должна была закончить с нами оба предмета, которые он вел у нас. Строгая, выверенная методичность отличала ее манеру преподавания, не просто было сдать ей историческую грамматику русского языка и на II курсе.

Маргарита Ивановна Парамонова, методист, руководитель всех педагогических практик – они были каждый семестр, начиная со второго. В эти так называемые пассивные практики мы вели разнообразную работу в определенном классе, начиная с начальных: вели кружки, проводили тематические сборы, ходили в походы, организовывали встречи с известными людьми города и т.п. У меня, к примеру, хранится альбом с работами кружка рукоделия 2-го класса школы № 9, в нем подшиты разные вышивки девочек-участниц кружка, есть, например, вышивка Тани Фруменковой. На итоговой конференции Георгий Георгиевич увидел этот альбом с номером класса до-

чери, посмотрел на ее старания и сказал: «Да, нужно их учить держать иголку в руках!»

Не так давно кто-то из нас вспомнил, какой интересный был спецсеминар по методике русского языка у Маргариты Ивановны. Я тоже вспомнила тему своей разработки на этом спецсеминаре – о типах и видах диктантов, вспомнила и отзывы о моем сообщении («В итоге можно насчитать до 20 видов диктантов, – изумилась Геля Мылюева.) Марта Бабушкина навсегда осталась верна разработанным Маргаритой Ивановной схемам разбора сложных синтаксических конструкций, многим приемам анализа других сложных вопросов русского языка, в итоге ее ученики своими знаниями, логическим подходом поражали все многочисленные проверки и «посещения». А какие конференции по итогам педпрактик организовывала Маргарита Ивановна! Никакого формализма и пресловутой отчетности, настоящие школы педагогического мастерства, а сколько творчества! В связи с этим вспоминаются сказанные в шутку слова Наума Львовича Сахарного после одной из таких конференций: «Ну, Маргарита Ивановна, как я учился в гимназии без таких пособий, а стал грамотным!» Маргарита Ивановна стала деканом факультета, проявляла о каждом студенте, можно сказать, материнскую заботу. Сама рано начавшая работать в эвакуации в Омске, учившаяся в ЛГПИ имени А.И. Герцена в послевоенные годы 1945–1949, рано лишившаяся отца, а потом и материнской заботы, она с большим вниманием относилась к студенческим судьбам, и студенты всегда отвечали внимательностью и благодарностью. Когда в начале декабря 1967 года Маргарита Ивановна скончалась, нам с Володи Осиповым в Ленинград позвонила Капитолина Ивановна Семенова, помню, как мы летели, Володя вез чемодан живых цветов.

Наши преподаватели жили со студентами одной жизнью, принимали человеческое участие в их судьбе. И не потому, что многие из них со своими семьями тоже жили в общежитии, знаменитой «семисотке», без элементарных удобств, с печным отоплением (и как мы, студенты, носили от ворот в свои комнаты всегда сырые промерзлые большие чурки, которые трудно бы-

ло назвать поленьями). Марта Кожукова помнит слова Г.Г. Фруменкова, нашего декана на младших курсах: «Учись, ничего не бойся!» после того, как к нему пожаловала соседка-«доброжелательница» семьи Кожуковых со словами: «Кого Вы принимаете в институт?!» Георгий Георгиевич по-отечески успокаивал Марту, учил жить, не обращая внимания на зловредную соседку. Миля Мякокина помнит, как Георгий Георгиевич помог ей получить дополнительную стипендию, и она смогла поехать на лечение. Я помню, как Георгий Георгиевич с большой похвалой отозвался о моих родителях, когда я однажды поделилась с ним их решением не переезжать в город, куда предлагали отцу перевод. Ирина Брызгунова благодарна Маргарите Ивановне Парамоновой за то, что не позволила ей бросить учебу, и, работая, Ирина смогла окончить институт на заочном отделении факультета. Валерий Шубин, Валерий Бабушкин, вместо того чтобы разгружать вагоны на левом берегу (только на стипендию не проживешь) и днем отсыпаться, были направлены на работу в небольшие сельские школы (учителей не хватало), а сессии сдавали с нами, и все, кто мог, им помогали.

А вот письмо Капитолины Ивановны Семеновы Володе Осипову от 30 ноября 1962 года. Он уже аспирант Ленинградского пединститута имени А.И. Герцена. Она пишет, что получили из Министерства сообщение о Почетной грамоте за его работу по Шекспиру, поздравляет его, с подробными наставлениями просит «соблюдать гигиену умственного труда», пишет о факультетских новостях, о стройке «на физкультурном корпусе», вводе в строй здания педучилища и выделении в нем семи аудиторий во вторую смену для педфака, о том, что пятикурсники уже начали сдавать экзамены: «Из районов приходят запросы на учителей. Уехал в Ровдинскую среднюю школу Рудик Овчинников (с 4-го курса) на 17 часов истории, уехала с 5-го курса в Онежскую среднюю школу одна из девушек. На учителей большой спрос, ведут по 30–40 часов в неделю».

У нас не сокращались часы и на обществоведческие дисциплины – ведь факультет историко-филологический; и с течением времени понимаешь:

наши преподаватели не были догматиками, преподносимые ими дисциплины были для нас живыми: история КПСС – и замечательный лектор Нина Андриановна Селезнева, научный атеизм – и глубоко образованный человек Феодосий Иванович Черняховский, политэкономия – и молодой В. Брит, диалектический и исторический материализм – и незабываемый Абрам Григорьевич Рудов, строгий и вместе с тем не подающий себя только всерьез. (Миля Мякокина пропустила по болезни семинар по работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и, придя сдавать, сказала: «Я это плохо понимаю, но выучила все наизусть». А он: «Можете отсюда?» – и показал на какую-то страницу, Миля же так отчеканила текст работы, что пораженный Абрам Григорьевич признался: «Хорошо!»). Рудовы Абрам Григорьевич и Валентина Ивановна были большими оригиналами во многом, любили радости жизни, например, в воскресные дни являлись с лыжами к «семисотке» и ходили со студентами на лыжах в окрестных, тогда еще не застроенных «Мхах» или на Северной Двине.

Мы знали и о научной работе своих преподавателей, почти все они вели кружки, связанные со своими научными разработками. Многие из нас были активными участниками этих кружков, а Володя Осипов – во всех, какие были на факультете в том или ином учебном году. В его архиве сохранился машинописный лист «План работы кружка истории СССР на 1959/60 учебный год» с подписью научного руководителя Елены Павловны Сперанской. А Василий Васильевич Малиновский привлек Володю к разработке обширнейшей темы о пребывании социал-демократов на Севере. Он вел большую работу в архивах, В.В. Малиновский по части материалов подготовил к печати и опубликовал статью, указав соавтором В.И. Осипова. Мы тогда уже учились на V курсе.

Мы знали, читали статьи преподавателей в ежегодных Ученых записках АГПИ (многие из статей были написаны вместе с учителями опорной тогда 21-й школы, имели практическую направленность, обобщали опыт лучших учителей города), знали научно-популярные издания своих преподава-

телей, такие как: ««Российская грамматика» М.В. Ломоносова» И.А. Елизаровского (1958), «Михаил Васильевич Ломоносов: основоположник русской исторической науки» Г.Г. Фруменкова (1960), «Михайло Ломоносов» Ф.И. Черняховского (1961), «Изучение причастий в 6 классе средней школы» Е.Ф. Плотниковой (1957), «Следствия падения редуцированных гласных в русском языке» К.И. Семенович и М.В. Сыромли (1960) и др. Некоторые из этих изданий с автографами преподавателей хранятся в наших библиотечках до сих пор, как и тетради с записями лекций многих преподавателей.

В наши студенческие годы пришли на факультет и начали преподавательскую работу Людмила Витальевна Федорова, Тамара Васильевна Щурова, Дора Петровна Дробинина–Валькова, Шамиль Загирович Галимов. Людмила Витальевна Федорова стала первым организатором фольклорных экспедиций в районы области. Она побывала в нашем селе Черевкове (нас четверо выпускников 1957 года Черевковской средней школы учились на одном курсе), в моей деревне Блешково, останавливалась в доме у родителей Гали Шашковой в деревне Наумцево. Вместе с ней мы побывали во многих деревнях Красноборского, Черевковского (район еще не был расформирован), Устьянского, Виноградовского и других районах. Запомнилось, как летом после окончания II курса мы втроем – я, Нина Войцеховская и Тося Потепалова – приехали ко мне домой, в деревню, чтобы пойти в Синики, отдаленный пункт района. Мой папа сказал, что это более 30 км от Черевкова и по дороге нет жилья, а от Едомы нет и дороги: лес, переломанная лежневка; пообещал вечером отвезти нас на грузовике хотя бы до Едомы, пока есть проезжая дорога. Так и сделали, папа и шофер высадили нас где-то за Едомой, в лесу, дальше машина уже не могла пройти. Ночи, конечно, светлые, как днем, но дорога ужасная, переломанные бревна, буераки, кочки. А мы – в туфлях, Нина – даже в босоножках, у одной быстро сломался каблук. Какие мы беспечные, думали мы потом, и отважные. И папа тоже... он потом испугался за нас, когда на обратном пути из кабины машины увидел, как дорогу переходил огромный медведь. Мы никакого зверя не видели, под утро при-

шли в эти самые Синики, направились к бабушке, к которой велел идти папа, она уложила нас поспать на полати. Помню, что лежала и думала с ужасом: неужели эту дорогу нам придется снова пройти в обратном направлении. Прожили там мы дня три-четыре, исписали свои тетрадки, познакомились с жизнью такого поистине медвежьего угла, бедностью людей. Продукты сюда доставлялись редко, магазин пустой (хорошо, что мы с собой что-то из съестного прихватили, даже угощали хозяев), помню, как сноха этой бабушки пришла с поля в наш первый день пребывания: пучок зеленого лука вырвала с грядки, хлеб какой-то достала и самовар вскипятила. Но люди были замечательные, сдержанные, с чувством собственного достоинства и доброжелательные, приветливые с нами, юными и наивными.

После окончания III курса мы с Людмилой Витальевной отправились в Устьянский район. Светлана Третьякова, я, Гена Жданов обходили куст деревьев на Киземе. Жарко, сумки кажутся тяжелыми... Вздумали искупаться в Устье... Подумаешь, какая это речка, не Северная Двина... Вдруг меня подхватило течением и понесло, я испугалась и не знаю, что бы случилось, но вдруг течение резко повернуло к берегу, и я за что-то ухватилась... Потом ночевали в старом доме на огромном повете... Людмиле Витальевне мы, конечно, не рассказывали о своих приключениях, но переживали, вот и запомнились они нам.

Тетради с нашими полевыми записями навсегда остались в архиве факультета, кафедры литературы, по их материалам были написаны исследовательские доклады, курсовые работы. У нас сохранился, например, приглашенный билет на XIV студенческую научную конференцию АГПИ – 12–13 апреля 1962 года, в программе которой в нашей секции стоит доклад Гали Шашковой «Использование северного фольклора в 5 классе средней школы: по материалам фольклорной экспедиции и педагогической практики». (На пятом курсе мы самостоятельно работали в сельских школах по две четверти.) Людмилой Витальевной был подготовлен и издан в Северо-Западном книжном издательстве сборник «Народное творчество Северной Двины»

(Архангельск, 1966), у меня есть его экземпляр с надписью Людмилы Витальевны: «Э. Алсуфьевой – энтузиасту изучения народной культуры Севера. Составитель Л. Федорова. 10 ноября 1966 г. Архангельск.» Людмила Витальевна тогда никого из нас, собирателей сказок, песен, частушек, не забыла, хотя многие разъехались и работали в разных школах. Людмила Витальевна работала на факультете до середины 90-х годов. С нею и сейчас поддерживают связь выпускники многих лет. Она первая прочла заметки-воспоминания Владимира Осипова «Моя жизнь», близко к сердцу приняла его кончину, написала о нем замечательную статью «Начало пути в науку», которую помещаем в этом сборнике.

Шамиль Загирович Галимов вел у нас на IV курсе методику преподавания литературы. Помню одно из его заданий: составить конспект урока по басне И. Крылова, и назвал какую-то басню, кажется, по программе 6-го класса. Помнится, конспекты наши Шамилю Загировичу не очень понравились по одной «простой» причине: урок должен быть интересен учащимся, в каждом нужно найти изюминку. И это было важно показать нам: мы еще только учились быть учителями.

Не напрасны были усилия преподавателей. Какая отдача! Разве можно сравнивать с современным положением дел... Более половины выпускников нашего курса плодотворно работали в школах области по 30–40 лет: орденосцы, заслуженные учителя, отличники народного просвещения, учителя-методисты, методисты районных отделов народного образования... Только наш выпуск, выпуск 1962 года, может гордиться тем, что десять выпускников (из 48–50) окончили аспирантуру, защитили кандидатские, докторские диссертации... Думаем, мы достойны своих учителей.

Л.В. Федорова

Начало пути в науку

У меня в руках последний труд Владимира Иосифовича Осипова – заметки, которые он назвал «Моя жизнь», и я их читаю, возможно, первая.

Считаю, что это очень содержательная и зрелая работа особого жанра, при кажущейся простоте поражает глубиной, каждое слово на месте. Это – акт самопознания, своего рода автобиографические заметки, рассказ о становлении его самого как человека и ученого. Главное же для Владимира Осипова – ответить на вопрос: что может сделать для себя сам человек, самостоятельно провести свою линию жизни.

Прошло много лет, но я не забываю того яркого впечатления, которое я получила на семинаре по фольклору, слушая выступление первокурсника Володи Осипова (1958 год). Обсуждалась сложная и небесспорная статья М. Горького «Разрушение личности». В руках у студента ни книги, ни тетради с конспектом, только один жестяной номерок из студенческой раздевалки, который он в конце выступления уронил случайно. Все улыбнулись, немного расслабились. Напряжение вызвало то, что говорящий буквально засыпал аудиторию цитатами из Горького, толково поясняя, комментируя каждый тезис.

Вот известное начало этой статьи Горького: «Народ – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных...» Следующий тезис: «Искусство во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив». А далее студент называет более десяти имен великих писателей мира, чьи произведения построены на «вечных», «кочующих» сюжетах фольклора. Здесь Шекспир и Гете, Байрон, Шиллер, Пушкин, чье творчество действительно окрыляли произведения народной поэзии. Завершалось выступление горьковским афоризмом: «Зевса создал народ, Фидий лишь воплотил его в мрамор».

Выступающий говорил негромко, но очень уверенно и прочувствованно, ответил на все встречные и уточняющие вопросы. Про себя я сразу же подумала: что за новичок? Мы-то на кафедре без конца говорим о необходимости адаптации студентов к вузовским занятиям, о том, что надо их учить конспектировать первоисточники и правильно записывать лекции. А тут такая зрелость!

Вскоре у нас на кафедре заговорили о необыкновенном, талантливом и начитанном студенте Осипове. Преподаватель античной литературы Н.Л. Сахарный тут же взял студента для индивидуального руководства его научной работой. И поскольку мы были историко-филологическим факультетом, историк Г.Г. Фруменков сделал то же в отношении Владимира Осипова. Со временем мы узнали, что обе работы состоялись и были каждая отмечены по-своему в научных учреждениях рецензентами и позднее напечатаны.

Володя работал почти во всех научных кружках – в трех из них был старостой. Курс того набора оказался очень сильным, и ребята потянулись к этому авторитету – своему товарищу по курсу.

Это были годы, когда работало общество «Знание», и Володя Осипов принимал активное участие в лекционной работе. Уже тогда он становится известен как молодой начинающий обществовед.

В.И. Осипов был очень скромным человеком. Знали, что он выпускник 23-й школы Архангельска. Никто не разглашал его биографии. Он сам только в конце своей жизни написал очень скромно и достойно эти заметки о себе. И стало ясно, как шло формирование этой одаренной личности – в детстве, юности – до поступления в вуз. Последующие годы его жизни нам были более известны.

Мне было доверено Элиной Николаевной Осиповой первой прочитать его заметки «Моя жизнь». Считаю, что этот последний его труд надо скорее публиковать, доводить до студенческой аудитории и широкого круга читателей, чтобы понять, как воспитывался талант этого человека, закалялась воля, как в условиях очень нелегкой жизни получил такое развитие его незаурядный интеллект. Это, на мой взгляд, может дать ответ на вопрос, чего должна избегать молодежь сегодня, когда все более популярной считается возможность строить свою линию жизни, исходя только из личных интересов, уютного устройства работы и быта, и верить только во власть денег.

Осиповы – коренные северяне. Семья если и переезжала, то только в пределах Архангельской области в связи со сменой работы отца. Детство Во-

луди прошло в лесных хозяйствах Архангельской области, где работал его отец. И только в послевоенные годы семья поселилась в Архангельске. Отец всегда был для Володи примером, человеком, привыкшим трудиться, самостоятельно добывать серьезные инженерно-технические знания, так что в «Севтранлесе» он стал занимать должность главного механика. Мать – большая труженица, по-крестьянски святая женщина, говорит Элина Николаевна (и сравнивает ее со своей бабушкой Поладьей), бралась за любую работу, ничего не требуя лично для себя, обеспечивала уклад и быт мужской семьи (муж и три сына). Небогатой впечатлениями была жизнь в лесных поселках: редкие фильмы в рабочих клубах, немудреные игры детей у коммунальных квартир, а по сути – у бараков, начальная школа. Жизнь Володи осложнялась тем, что в трехлетнем возрасте он получил травму – упал с качели по недосмотру малолетней няни – и много месяцев провел в гипсе в областной больнице, не видя матери, отца. Да и потом только редкие открытки от отца с фронта. Вот в таких обстоятельствах складывались очень ценные качества характера, умение еще ребенком переносить и острую боль, и острую радость от того, что «миновал кризис» и можно опять войти в круг сверстников.

Воспитывалась и способность стойко переносить одиночество больничной палаты. В годы учебы в школе продолжалась мужественная борьба мальчишки с болезнью, и только в 4–5 классах он, перенесший уже очень многое, начинает проявлять необыкновенный интерес ко всему окружающему. Вскоре он приобщается к чтению, но всегда думает о том, как получить новые впечатления, узнать что-то новое, попробовать свои силы в каких-то иных начинаниях.

Детские годы проходили трудно, но это было советское детство, и у ребенка всегда было право выбора и, следовательно, самостоятельность в организации своей собственной жизни. Он всегда стоял на стороне доброго и справедливого, того, что развивало кругозор, выводило его из скудного однообразия жизни, и всегда поступал сознательно, оставался активен.

В пионерские годы несколько раз с удовольствием жил в пионерских лагерях, с радостью принимая весь ритуал пионерской лагерной жизни, но и придумывая что-то новое. Стал писать стихи, выпускать стенгазету, увлекся шашками и шахматами и много читал. Сознательным было его вступление в комсомол. Серьезно задумывался над содержанием Устава комсомола, а когда понял, что не все принятые в комсомол следуют ленинским заветам, написал об этом в «Комсомольскую правду». Ему ответили, предложили писать еще, но, как замечает Володя, журналиста из него не получилось.

Активность и самостоятельность проявились и в том, что он уже в ранние годы определил предпочтение к таким предметам как история, литература, язык. Со временем стало развиваться такое чувство, как уверенность в своих знаниях, самооценка того, что им приобретено. Он уже понимал смысл своих поисков и занятий, понимал, что учителя ценят приобретенные им, зачастую самостоятельно, знания. Оставался очень скромным человеком, но внутренняя радость приходила, когда он понимал, что учительница любимой им истории почти не спрашивала его, так как всегда была уверена в его знаниях. Учительница литературы обращалась к нему только в случаях очень трудного правописания слов. Учитель рисования, почувствовав его тягу к основам изобразительного творчества, стал с ним заниматься по особой программе. Конечно, льстило, что ответы на какие-то вопросы, рассчитанные на эрудицию класса, знал он один. И это опять было самопроверкой своих знаний.

В старших классах он жадно читал классическую литературу, прежде всего русскую, а в институте круг чтения расширился: увлекся зарубежной литературой, поэзией Востока, классическими трудами по философии. И юноша понял, в чем заключается культура чтения: составлял свою картотеку, делал выписки из прочитанного. И главное, постигал радость, удовольствие от самостоятельной работы с книгой. Он сам понял, что такое библиотека. Уже школьником почувствовал прелесть занятий в библиотеке, в «тиши библиотек», как часто мы говорим. Сейчас мало кто из архангелогородцев пом-

нит небольшое одноэтажное старинной постройки красивое здание на проспекте П. Виноградова (напротив Театра драмы), в котором размещалась публичная библиотека им. Добролюбова. Володя в своих воспоминаниях поэтизирует сам дух библиотеки. Для него это любимейшее место, время, проведенное там, он считает счастливым. Он пишет: «В читальном зале стояли большие столы и к ним – по три стула с обеих сторон. Каждый вечер я приезжал туда на трамвае и сидел чуть не до закрытия. Читал все: прозу, стихи, пьесы, журналы, газеты, научно-популярные книги». Работа в библиотеке становилась для него основной потребностью в жизни, и не случайно именно там он прочел первую книгу по философии «Афоризмы о житейской мудрости» А. Шопенгауэра. В трудные минуты жизни, когда обострялась болезнь, когда пришлось прервать вступительные экзамены в МГУ, он прежде всего думал о возможности заниматься самостоятельно.

В целом же 1952–1955 годы – старшие классы – были годами интенсивного приобщения к разнообразным занятиям и в школе и дома – самостоятельно.

Другим важнейшим средством приобретения знаний служило для него радио. В его воспоминаниях мы находим целую хвалебную оду радиопрограммам тех лет. С точки зрения прожитых лет он дает удивительно зрелую оценку качества и содержательности радиопрограмм 40–60-х годов, их роли в жизни и воспитании народа, всего того, что утратило современное радио. С его суждениями невозможно не согласиться, не принять их: «Конечно, это было совсем другое радио, ничем не напоминающее современное «Радио России» о его одуряющей рекламой, бесконечными повторениями и передачами, выдающими невежество и некомпетентность их авторов. Это радио я принципиально не слушаю. Каким-то чудом сохранилась передача из советского радио «Встреча с песней» Виктора Татарского, которую всегда слушаю. Тогда радио было полезным, действенным и эффективным источником знания, каналом приобщения к культуре. Классические оперы в их полном объеме и фрагментах, симфонии, камерная музыка, оперетты, спектакли

лучших театров по пьесам русских и зарубежных классиков, лучших советских драматургов, радиопостановки, концерты – по заявкам, эстрадные, праздничные и другие – инсценировки, художественное чтение знаменитыми актерами, чтецами прозы, поэзии, познавательные передачи по многим отраслям знаний – все это я слушал, запоминал, память схватывала все мгновенно. С тех пор помню наизусть многие арии из опер Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Бородина, Рахманинова, Рубинштейна, Верди, Бизе, Гуно и других великих композиторов, арии из оперетт Штрауса, Кальмана, Целлера, Дунаевского, Милютин, Соловьева–Седого и других. Романсы, песни – русские народные и советские, неаполитанские и другие – после нескольких исполнений я запоминал наизусть. Арии, романсы, песни я часто пел и сам, когда был дома один. Арии князя Игоря и Кончака из оперы Бородина «Князь Игорь», арию мельника из оперы Даргомыжского «Русалка», арии Надира из оперы Бизе «Искатели жемчуга», серенаду из оперы «Пертская красавица», арию певца за сценой из оперы Аренского «Рафаэль» и другие. Радио в те годы звучало и на улице из репродукторов. Помню, как однажды весной, кажется, 1954 года, шел из читального зала домой и около почтамта услышал звучащую на всю улицу арию певца за сценой: «Страстью и негою сердце трепещет, Льются томительно песни любви...» Весна, вечер, свежий запах тающего снега... – все созвучно».

Живую музыку он слышал гораздо позже. Впервые скрипичный виолончельный концерт он слышал уже в студенческие годы, когда в 60-е годы в Архангельск стали приезжать симфонический оркестр из Ярославля, Леонид Коган со скрипкой, Даниил Шафран с виолончелью, Павел Лисициан... Безусловно, все концерты он посещал, он все впитывал и совершенствовал свою музыкальную память, музыкальный слух, шло углубление знания, понимания, восприятие уже не было чисто любительским.

Особенно для него были интересными передачи-конкурсы, концерты-загадки. Он систематически слушал их, участвовал, посылая ответы в музыкальные радиоредакции. Это была все та же проверка, самооценка получен-

ных самостоятельно разнообразных знаний. Ответы всегда были правильными, что доставляло Володе большую радость, повышало интерес к новым и новым знаниям. В воспоминаниях он называет книги, дипломы с подписями знаменитейших людей искусства: Юрия Шапорина, Надежды Обуховой и Эмиля Гилельса, Сергея Лемешева, Марии Максаковой и Дмитрия Кабалевского, Тихона Хренникова, Павла Корина и Константина Симонова. Полученные поощрения и награды радовали и опять же не из тщеславия – человеку, добывающему знания самостоятельно, нужна была оценка специалистов, без этого невозможно было дальнейшее самосовершенствование. Можно сказать, что потребность к углублению и совершенствованию своих знаний захватывала его целиком и делала его счастливым человеком. Может быть, сейчас, когда мы говорим о человеке, достигающем нового качества жизни, мы и имеем в виду такие натуры, которые жизнь посвящают не меркантильному расчету, поездкам по миру ради самих поездок и т. п., а уходят в работу, умея сделать ее и смыслом жизни, и праздником души.

Сейчас я понимаю, чем нас поразили студент Володя Осипов. Неброское, казалось бы, влияние его натуры, его увлечение знанием, познаванием сказались на его однокурсниках, товарищах с последующих курсов и даже предыдущих. Многие стали заниматься философией, общественными науками – Володя Колосов, Клавдий Минькин, Степан Алексеев, Альберт Сметанин, стали известными общественными деятелями – Тамара Гудима, Ната Минаева, Валерий Илатовский, Николай Воронцов и другие.

Из числа выпускников курса 1957–1962 годов десять стали преподавателями вузов, учеными, имеющими ученые степени и звания: это работающие в своем родном вузе В.И. Осипов, Э.Н. Алсуфьева–Осипова, Л.И. Щекина–Резниченко, Р.А. Ханталин, С.Г. Третьякова–Новгородцева; И.П. Тарутина–Шапарова – в АЛТИ, Ю.С. Васильев – профессор Вологодского пединститута, Г.П. Белорукова в Ижевске, Арсен Ухаль – Ужгородском университете, прошли путь от школьного учителя до преподавателя вуза В.А. Бабушкин, Т.Н. Качурина, стали заслуженными учителями, методистами, опыт ко-

торых обобщался ИУУ – Г.А. Кадулина–Сметанина, И.Ф. Брызгунова–Демина, М.Н. Кожукова–Бабушкина, К.Ф. Носова–Банина, А. Петухова–Горина, Г.Л. Шашкова–Покровская и многие другие в Северодвинске, Новодвинске, Коряжме, Онеге, районах нашей области, других местах нашей страны. Все они не теряли связь друг с другом, переписывались с семьей Осиповых, звонили им, собирались на встречи.

Многие из однокурсников Володи Осипова потянулись к серьезной работе, старались выйти за пределы вузовской программы, много читали, рецензировали современные произведения, хорошо знали писателей-деревенщиков, и некоторые стали «подражать», писать о простой жизни деревни, ее неповторимом жизненном укладе – Р. Ханталин, братья Рудольф и Александр Овчинниковы.

Активность студентов этого курса и последующих была определенно повышенной, и это помогало сблизиться студенческому и преподавательскому коллективам, поддерживалась творческая атмосфера. Не нужно было тратить силы на то, чтобы «уговорить» этот курс на какое-то дело. Так мы с Маргаритой Викторовной Сыромлей оказались руководителями экспедиций – фольклорной и диалектологической, которые в ту пору еще не значились в учебных планах пединститутов. Обратились в Сектор фольклора Пушкинского Дома и получили рекомендацию обследовать бассейн Северной Двины, фиксируя, что изменилось в состоянии устного народного творчества, кто его носители и прочее.

После окончания летней сессии отправились на большом прекрасном теплоходе вниз по Двине. Вспоминаю такой эпизод: собрались в каюте, скоро остановка Емецк-луг, и видим из окна, как напрямик через луг по сырой траве идет Гена Жданов, который, побывав у матери, хотел примкнуть к нашей экспедиции. Теплоход пристает, через минуту Гена в нашей каюте. С удовольствием поедаем еще теплый пирог-рыбник, испеченный матерью Гены, и разговариваем о самом близком, о группе, институте. Студенты в нетрадиционной обстановке более откровенны с преподавателем, рассекречи-

ваются и романтические отношения между однокурсниками, и я понимаю, что Володе Осипову в этих отношениях отводится очень значительное место. Володя всегда был привлекателен для девушек курса. Умные, стремившиеся к образованию, культуре прямо стремились общаться с ним, он был всем интересен, в беседах с ним можно было многое обсуждать. Другим он просто нравился как красивый юноша, внимательный и умный. Да, наверное, они и не отдавали себе отчета, в чем красота Володи: его ум, начитанность, достойное поведение покоряли девичьи сердца. А на следующее утро теплоход встанет у пристани Черевково, и нас встретит Эля – Элина, старшая из семьи Алсуфьевых, бессменная староста группы, считай, и курса, сдержанная и живая, контактная, знающая и решающая все вопросы. Но тогда еще никто не мог знать, что именно Эля и станет женой и помощницей Володи, а Володя так полюбит эти места, что каждое лето (сорок лет подряд с 1969 года) будет проводить здесь: на озере Ерилове – рыбалка с удочкой на утренней и вечерней зорьках, бор – с белыми грибами, которые словно для него вырастали.

Так в годы юности обозначились не только первые шаги в науку, начало пути, но обозначилась вся жизнь Владимира Осипова, человека глубоко цельного, философа и мечтателя, не утратившего в суете жизни своих идеалов человечности, высокой духовности.

И.Ф. Демина

Я благодарна Вам

Когда задумали эту книгу, память активно начала работать, воскрешая яркие эпизоды, лица.

Вот за кафедрой стоит незабываемый Алексей Германович Гемп, человек высочайшей культуры, читавший нам историю Древнего мира. Всегда очень аккуратный, стройный, выдержанный. Есть ли сейчас преподаватели, которые с каждой студенткой здороваются с поклоном, снимая шапку в любую погоду, всегда очень приветливо?! Трудности жизни (а их, очевидно, у него было немало) никогда не отражались ни на его лице, ни на манере пове-

дения. А его речь! В то время речевая культура в Архангельске была не такой высокой, а речь Алексея Германовича была не просто правильной, мысли он выражал с предельной четкостью, так что на его лекциях я считала просто невозможным отвлекаться. На всю жизнь он остался для меня эталоном интеллигентного, воспитанного человека.

Вот передо мной возникает Людмила Витальевна Федорова, молодая, красивая, в нарядном зеленоватом костюме, с оригинальными бусами. Она очень заинтересованно, эмоционально говорит с нами об устном народном творчестве, ей так хочется, чтобы мы полюбили этот предмет. И на самом деле так случилось: мы первыми поехали «собирать фольклор», хотя никаких обязательных «практик» подобного рода не было в планах нашей подготовки.

Людмила Витальевна была ответственной за выпуск факультетской газеты, а я как умеющая печатать на машинке тоже входила в состав редколлегии. К газете относились серьезно. Выпускали ее на четырех больших листах ватмана. В заметках отражалась жизнь факультета, в ней печатали свои первые стихи Вадим Беднов, Володя Осипов. На критику некоторые студенты реагировали довольно остро, писали объяснения и опровержения, которые мы потом разбирали на заседаниях редколлегии. Все серьезно, строго, без занудства и формализма.

Не перестаю восхищаться Маргаритой Викторовной Сыромлей. Как подробно и доходчиво давала она нам историческую грамматику русского языка! Маргарита Викторовна была требовательна к студентам, но я всегда считала, что ее знания и добросовестность дают ей на это полное право.

Вот читает лекцию Георгий Георгиевич Фруменков... Как бы «прогуливаясь» по аудитории, он выстраивает свой образный рассказ, нанизывая фразы, словно бусинки на ниточку, и перед нами встают, будто живые, страницы истории нашей родины. И сам он испытывает удовольствие от своего рассказа, кажется, что даже ощущает на вкус получившиеся образы, картины. Иногда он подпускал обороты типа: «На дворе стоял 1780-й год...», «и

его хватил апоплексический удар...», или: «И его укоторили на голову...», «и этот престарелый полководец потерпел победу...», «немецкие рыцари, пуская пузыри, пошли ко дну Чудского озера» – наверное, для того, чтобы мы умели и шутить, понимать шутку, «не заучились», так сказать. Помню, однажды мы допоздна сдавали какой-то экзамен. Все устали, волновались. Георгий Георгиевич подошел и стал нас развлекать, рассказал два анекдота, которые я запомнила навсегда. Первый: «Выходит студент с экзамена и говорит: – Уф! Вел себя, как партизан. Два часа пытали – ничего не выдал». Второй – это скорее студенческий афоризм: «Студент на экзамене что собака: глаза умные, а сказать ничего не может». Посмеялись мы, и на душе стали веселее.

Не могу не вспомнить Маргариту Ивановну Парамонову. Ее внешность, культуру, добросовестность в работе, понимание студентов до сих пор помню и восхищаюсь ею. Всю жизнь благодарна ей за то, что не дала меня отчислить из института. На четвертом курсе меня позвали в школу № 8 поработать пионервожатой. Договорились, что работа будет во второй половине дня, после двух часов, но так не получилось, я стала пропускать лекции. Встал вопрос об отчислении. Маргарита Ивановна вызвала меня и предложила срочно подать заявление о переводе на заочное отделение. Так я и сделала. А в восьмой школе я работала 25 лет: сначала пионервожатой, была награждена значком ЦК ВЛКСМ «Лучшему вожатому» (удостоверение № 1), а по окончании института – учителем русского языка и литературы.

Добрая, прекрасная, всегда с улыбкой Валентина Ивановна Рудова. Она читала нам курс древнерусской литературы, читала живо, интересно. Мы всегда чувствовали, как она любит то, о чем говорит.

В своей педагогической практике не раз рассказывала ученикам, не умеющим различать изложения подробные и сжатые, о нашей замечательной Татьяне Федоровне Лавровой. «Надо так знать предмет, – говорила она нам, – чтобы суметь изложить его в любом объеме. Предложат мне дать материал за 200 часов – я дам, сократят до 100 часов – я сумею все выдать, и за 50 часов тоже смогу». Ее лекции незабываемы. Никогда она не читала по конспек-

там, а свободно рассказывала нам материал, рассказывала по-разному, в зависимости от того, на сколько часов сокращалась учебные курсы (ведь мы ежегодно ездили «на картошку»), рассказывала так, чтобы мы смогли быстро «поднять» разделы, оставленные на самостоятельную работу.

Дорогие наши добрые преподаватели! Разве можно забыть Вас? Разве можно Вас не любить? Разве можно не испытывать к Вам благодарности?

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

**И вновь, как в юности, тревожно и светло,
И годы поздние, как тучи, унесло...
И снова сны волнующие снятся,
И жаль с мечтой последней расставаться.**

Г.С. Лузгарева

ВЕЕТ ТЕПЛОМ ЮНОСТИ

Осенью 1994 года я заболела и попала в больницу. Из окна палаты каждый день наблюдала за старым корявым тополем. Все листья с него уже облетели, и только один листочек уцелел. Один-единственный удержался и трепыхался на ветру. А потом и этот листочек исчез: видно, ветром все-таки сорвало его. И как-то сразу сделалось тоскливо. Но тут раздался ласковый голос:

- Галенька, как себя чувствуешь? Мы тут тебе супчику домашнего принесли.

И поставили передо мной завернутую в полотенце кастрюльку. Это институтские подружки после работы прибежали ко мне. «Прибежали» не то слово – им и мне уже далеко за пятьдесят.

- Миля, Инночка, садитесь, – засуетилась я.

- Мы ненадолго. Хотим посмотреть на тебя, привет тебе принесли от всех наших. Ты держись. Если еще молока надо, Миленька принесет. Ты только крепись и поправляйся.

От всех наших... Я почувствовала в те тяжелые месяцы болезни это тесное братство студенческих друзей. До сих пор называют они друг друга по именам и девичьим фамилиям. Причем, что удивительно, никогда не стонут, не жалуются. Живут, поддерживая друг друга советом, подставляя плечо.

Каким-то теплом юности веет, когда мы собираемся у Бабушкиных и поем наши студенческие песни. Певунья Ира Брызгунова знает их великое

множество, а Володя и Валера ей подпевают, и мы все сливаемся в общий хор. Тут не замечаешь времени, не видишь седин, тут только Володечки и Элечки. Профессора и доценты они только на работе.

Работа была для нас тем главным стержнем, который крепко держал в жизни. Когда умер наш Коля Пиличев, местные жители предложили увековечить память Николая Павловича – установить именную доску на фасаде школы, где он работал долгие годы. Но учителям памятников не ставят. Да и учительская работа перестала быть жизненной основой. Основу для жизни сейчас находим в семье и в общении друг с другом:

- Вы знаете, а я все-таки осуществила свою мечту: я была в Париже!

- Инночка, расскажи.

- Получила огромное удовольствие, и теперь меня надолго хватит. Вот соберемся опять все – и расскажу.

И мы, выпускники пединститута 1962 года, побитые временем, в должной мере не оцененные государством, но не сломленные, соберемся опять вместе. Будем «говорить друг другу комплименты» и радоваться дружескому общению.

Э.Н. Осипова

Володя и однокурсники

Володя Осипов с первых месяцев нашей студенческой жизни стал выделяться среди однокурсников. Естественно, он не стремился к этому, да и мы были воспитаны в духе равенства, если особенно стремились к чему-то, так это лучше учиться, успевать всегда по всем предметам. Прежде всего именно в этом Володя и преуспевал, он много знал, много читал в системе, не только нашей школьной, но и всей мировой художественной литературы. На практических, семинарских занятиях он выступал совсем не пошлярски, свободно владел материалом первоисточников, часто сопоставлял их, отбирая важное для себя, для нас.

Более того, ему было мало обязательных часов занятий, списка литературы. Стоило преподавателю обмолвиться о том, что это возможно изучать дополнительно, обсудить на кружке, в исследовательской группе, как Володя уже мог стать «закоперщиком» организации этого самого кружка и, можно сказать, играть в нем первую скрипку. В одной из его архивных папок (она, наверное, не раскрывалась полвека) есть два листка-обрывка. На одном рукой Володи написано: «Кто хочет вступить в кружок Истории СССР, поставьте свою подпись». И первой стоит его подпись, затем Васильева Ю. (он и стал профессором истории), Шубина В., Садилова В., Пиличева Н., Ухалья А. и далее подписи шести девушек из нашей 2-й группы. А на втором листке В. Осиповым уже переписаны фамилии всех желающих в алфавитном порядке и против некоторых указаны темы работ: Осипов – «Иван Федоров – первопечатник», Быняева В. – «Движение белорусских крестьян в 1-й половине 17 века», Ухаль А. – «Наливайко», Садилов В. – «Кораблестроение при Петре I», Третьякова С. (появилась фамилия студентки из 1-й группы) – «Из истории Архангельска», и еще у двух указаны темы; а я, Васильев Ю., Щекина Л. – таковых тоже семь – пока значимся у Осипова В. (и руководителя, видимо, Г.Г. Фруменкова) без конкретных тем.

Со школьных лет Володя рисовал, владел портретной графикой в манере сфумато. Чаше он «перерисовывал» фотографии мыслителей, писателей, музыкантов, но рисовал и портреты одноклассников, однокурсниц (рисунки помещены в его книгах стихов). Рисовал однокурсницам что-либо по поводу происходящего. Эти рисунки, как правило, девушки-однокурсницы сохраняли. Мне, например, на 3-м курсе Володя нарисовал портрет В. Тендрякова на титульном листе курсовой работы. (Кажется, работа не сохранилась, была взята на выставку, и следы ее затерялись.) Но я храню набросок моего портрета, который Володя сделал на оберточной бумаге, когда однажды весной 1968 года мы с ним плыли на теплоходике в Северодвинск (дороги туда еще не было).

На 5-м курсе мы проходили педагогическую практику на рабочих местах в сельских школах (учителей не хватало), курс разделился пополам, и каждая половина студентов работала в школе полугодие, то есть две четверти (например, в Холмовской 8-летней школе I и II четверти работала я, а III и IV четверти – Валя Быняева). Володя работал в городской школе, переписывался со многими из нас. Катя Губкина (Екатерина Дмитриевна Кузнецова) пишет Володе из Шенкурского района Верхоледской 8-летней школы: «Поздравляю, Володя, с праздником Октября! У меня сегодня очень хорошее настроение, и я хочу, чтобы оно передалось хорошим людям!»

После окончания вуза, когда почти все мы работали в школах по распределению, а Володя был направлен в аспирантуру, он не терял связи со многими из нас. (Министерство обошло положение об обязательном стаже работы в школе, к тому же институт направлял его для подготовки по философии, а не по педагогике или методике.) Вот мое письмо Володе (второй учебный год тружусь в Черевкове): «Благодарю за поздравление с Октябрем! Значит, ты был в ноябрьские праздники в Архангельске. А мы с Галей Шашковой собираемся в зимние каникулы, даже Новый год хотим встретить в Архангельске и сагитировать многих наших приехать на встречу». В следующем письме: «Передай привет от меня и Гали Валере Шубину, если увидишь его. Может быть, в весенние каникулы приеду в Архангельск. Капитолина Ивановна «планирует», чтобы я сдала кандидатский экзамен по французскому языку, а я все свободное время вожусь со своим 6-м «В». 27 апреля он пишет: «Пришлось много работать над статьей, поэтому не смог в марте побывать в Архангельске. А 27-го марта был вечер встречи выпускников, так хотелось повидать наших! Ты была на этом вечере? Кто был?» И в его архиве хранится открытка с приглашением факультета на эту встречу – он сохранил ее, это все было ему дорого.

А вот из письма Кати Губкиной: «Володенька, приглашаю тебя ко мне на свадьбу «по-русски» 29 февраля 1964 года. Увидишь моего Ивана Кузнецова. Приезжай вместе с моей Галинкой, Галиной Сухих, студенткой Север-

ного отделения ЛГПИ. Я написала Эле, Гале, Клаве, Зине, Вале, Мусе. Боясь, что не смогут приехать. Пожелай мне, Володя, счастья». И адрес на конверте: п/о Огарково с. Савинский Плесецкого района (почти рядом с родиной Володи – станцией Шелексой). Спустя три года Катя пишет ему: «Спасибо, что помнишь друзей. Пригласи на защиту. В Савинское всегда жалуйте, рады будем!» Адрес у Кати уже другой: пос. Савинский, ул. Ломоносова, 13.

1964/65 учебный год... У Володи уже третий год аспирантуры, а у меня – первый, но учусь я заочно, работаю ассистентом на кафедре русского языка. 8 марта отправляю ему официальное приглашение на очередную встречу факультета со своими выпускниками за подписью декана Маргариты Ивановны и печатью института, в котором моей рукой написаны его фамилия, имя, отчество, дата внизу. Но приезжал ли он? – без него уже не вспомнить... В других письмах подтрунивает над моим ассистентством, отношениями со студентами, подготовкой к кандидатскому экзамену по философии: «До Нового года полтора месяца, а за это время можно три раза выучить философию. Никто не будет требовать от тебя знания Канта или Гегеля, а законы и категории диалектики ты выучила еще у Абрама Григорьевича». В следующем учебном году Володя уже работает, а я учусь в Ленинграде. В весенние каникулы приезжает Катя Губкина. Ходим в Эрмитаж...

Навещает меня и Юра Скобелев (не помню, где он тогда работал, по распределению в школу Архангельской области он не приехал, остался в своей Костромской или уехал к родственникам, за что его долго склоняли на факультете), очень хотел увидеться с Володей (он должен был как раз приехать по делам диссертации), но встреча их по каким-то причинам не состоялась.

В начале 1968 года, наконец, мы оба вместе, в Архангельске. Переписываемся с Мусей. Она уже живет в Орле, семейство вернулось из зарубежья (Иран, Монголия), работает воспитателем в детском саду... Муся Антропова-Преловская приедет (уже из Тулы) на встречу в честь 30-летия нашего выпуска в июне 1992 года. На фотографии 13 июня нас 13 человек: Валера и

Марта Бабушкины, Володя и Эля Осиповы, Коля Пиличев, Миля Мякокина–Железникова, Галя Леонтьева–Александровская, Ира Брызгунова–Демина и приехавшие издалека Муся, Гена Жданов (из Севастополя), Клава Носова–Банина (из Тельвиски), Варя Канева–Шекалова (из Снежногорска), Шура Петухова–Горина (из Онеги). Шестерых уже нет с нами. Не знаем, жив – здоров ли Гена Жданов, не получаем от него весточек уже не один год...

Со многими однокурсниками мы переписывались, по возможности они бывали у нас с Володей. Спирина Руфа с сыном была у нас, когда мы жили уже на Новгородском проспекте. Васильев Юрий заходил или звонил всякий раз, когда приезжал работать в Архангельский областной архив. Мы получали приветы от Ухаля Арзена, чаще через Г.Г. Фруменкова – они встречались в Ленинской библиотеке. С 2010 года Арзен постоянно звонил Володе, расспрашивал об Архангельске, всех однокурсниках, делился с нами своими планами. А уж как чистосердечно всегда заботился о Володе, о всей нашей дружной компании в Архангельске Пиличев Коля, мы бывали в его гостеприимном доме, ходили за клюквой, он привозил нам из Талаг елку. Вместе с женой Валей Коля ухаживал за могилой Маргариты Ивановны на Смольном Буяне, нам теперь уже без него нужно сменить фотографию на ее памятнике, покрасить оградку.

В год 50-летия образования АГПИ – 1982 – наш выпуск отмечал 20-летие окончания института и многие постарались приехать на юбилейный вечер. Торжество проходило в ДК моряков. Приехали Катя Губкина–Кузнецова с мужем – из Савинского, Клава Носова–Банина из Тельвиски, Лида Шалавина–Тропина с мужем – из Северодвинска, Эльвира Мартюшина–Носова из Северодвинска, ну и, конечно, собрались все, кто жил и работал в Архангельске. С Катей мы переписывались постоянно, с Галей Шашковой–Покровской ежегодно виделись в Черевкове: каждое лето она приезжает из Лазаревского к родителям. Галина Ливерьевна продолжает активно работать в школе, так что ее стаж школьного учителя самый продолжительный из всех наших учительниц!

В июне 1992 года мы организовали вечер встречи, посвященный 30-летию нашего выпуска, тогда и сфотографировались на память. В год 65-летия АГПИ были на торжественном вечере, проходившем 14 ноября 1997 года в зале культпросветучилища. И вот теперь мы отмечаем 50-летие нашего выпуска – все, кто сможет приехать, соберемся в июне, вспомним студенческую дружбу, преподавателей, поговорим о жизни, своих планах – они у нас есть!

И.П. Шапарова

О нашем Володе

В 1957 году я стала студенткой историко-филологического факультета Архангельского педагогического... Среди студентов курса заметно выделялся Володя Осипов. Прежде всего своей подготовкой, широким кругозором знаний. Он был старше нас года на три. После школы серьезно заболел, занимался самостоятельно, много читал, о многом успел передумать, поразмышлять. Его знания о жизни, о книгах были несравнимы с нашими, знаниями вчерашних школьников.

Большая копна кудрявых волос, внимательные серьезные глаза и добрая улыбка, – таков студент Володя Осипов в моей памяти. Уже тогда он любил классическую музыку, особенно Бетховена с его верой в победу и радость жизни. Однажды доверительно сказал: «А у меня первое место. По радио проводился конкурс «Знаете ли Вы Бетховена?», и я выиграл его!» Я откликнулась: «Знаю, знаю, Володя! Я слушала, как проходил этот конкурс! Поздравляю тебя!» Прекрасный музыкальный слух был у Володи. В наши студенческие годы в Архангельск часто приезжал на гастроли Ярославский симфонический оркестр. После исполнения увертюры из «Фиделио» Бетховена Володя мог сказать: «Выше этого ничего нет, здесь страсть, любовь, тоска, но играли они в более быстром темпе, чем у Бетховена».

Вспомнилось, как мы обсуждали с ним роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». К нам эта книжечка, напечатанная подпольно очень мелким шриф-

том, попала случайно; под большим секретом ее передавали из рук в руки на день, на ночь. В разговоре с Володей выяснилось, что мы оба сделали выписки из этой книжки, читали их друг другу, размышляли над ними: «Иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось, чтобы она шла в сопровождении некоторой внутренней музыки»; «Бог женщины в ребенке»; «Искусство – это какая-то мысль, какое-то утверждение о жизни»; «Русская детскость Пушкина и Чехова» и другие. Сошлись во мнении, что это книга поэта, что в стиле много полета, а это признак гениальности.

Очень поразили меня афоризмы Володи. По-моему, он писал их на протяжении всей жизни. В моей записной книжке некоторые помечены годами, а это годы нашей студенческой жизни: «В молодости мы увлекаемся всем необычным и часто вредным в своей основе; к простоте мы приходим лишь в зрелом возрасте, поняв, что мудрость в ней, в простоте» (1958); «Жизнь измеряется не прожитым, а пережитым» (1959); «Мы смотрим на людей, на их внутренний мир всегда упрощенно» (1961); «Мелочность убивает человечность» (1962); «Счастье – это душевное спокойствие».

Мы, однокурсники, уже более десяти лет в дни Рождества собираемся у Гали Кадулиной (известной учительницы Галины Александровны Сметаниной), и Володя и Эля Осиповы, Валера и Марта Бабушкины были всегда душой наших компаний. Ира Брызгунова – Демина, Марта, Володя (он знал все песни!) пели, Валера играл на баяне. А как-то затеяли я и Володя своеобразную дуэль; зная, что он обожает поэзию Тютчева, предложила ему поочередно читать стихи Тютчева: я – он, я – он... Победил, конечно, Володя, стихи Федора Ивановича Тютчева, его философскую лирику он знал, как никто другой.

Вот таким остался в моей памяти Володя Осипов. Яркий, знающий много, светлый и добрый человек.

Володя Осипов и его стихи...

Я счастлив тем, что никого не предал,
 Что никому ни в чем не изменил,—
 И тем, что сам измены не изведал
 От тех людей, кто сердцу мил.

К философским стихам Володи Осипова, моего однокурсника, у меня особое, трепетное отношение. Ум, энциклопедизм Володи поражали нас со студенческой скамьи. Мы знали его стихи, афоризмы. А потом, много лет спустя, когда Володя опубликовал свое «Слово о жизни и душе», я прочла его на едином дыхании. Книга произвела на меня такое сильное впечатление, что я читала ее снова и снова. Потом поняла, почему душа откликнулась на мудрость этой книги: многие стихи созвучны моим раздумьям о мире, жизни, людях:

Так для чего же мы живем?
 Зачем же мы на свет явились?
 Тут каждый скажет о своем,—
 Но все ль сполна осуществилось?

В чем смысл человеческой жизни, что есть добро и зло? В книге живет его светлая душа, в его лирике – глубина мысли, искренняя любовь к нашей родной северной земле:

Мой Север – летом иль зимой,
 Весной иль осенью ненастной, –
 Всё дорог мне: здесь жребий мой
 Судьбой свершился ненапрасной.
 И справа, и слева – луга и леса,
 Двины голубое раздолье...
 Привольная, милая сердцу краса –
 Мой Север, светлынь в моей доле.

Володины философские стихи – это напутствие всем живущим на Земле. Он сам признавался, что в его книге «собрано все, чем должен жить задумывающийся человек». Читая это «Слово», я нередко представляю, как знакомила бы одиннадцатиклассников со стихами-мыслями своего сокурсника-философа. Наша дочь Светлана Валерьевна, учительница 33-й школы, во-

одушевилась идеей посвятить «Поэтическую гостиную» стихам Владимира Осипова. Глубина и искренность мысли, поэтическая форма сливаются в них. Представляю этот вечер, представляю, как выпускники читают его стихи:

В природе – царство красоты,
 Не для себя – для человека,
 Но если он душой калека –
 Царит в ней холод пустоты.

Истина вся – беспредельна в познании,
 Суть необъятная кроется в ней;
 Разум лишь может в пытливом дерзании
 Близиться к ней – все верней и верней.

И так о многом, обо всем: познании, науке, искусстве и поэзии...

Наука мир преобразила –
 И мир к порогу привела;
 Какая в ней превысит сила?
 Добра ли сила? Сила зла?

Но слова дар проникновенный –
 Удел немногих... Чей удел?
 Кто есть поэт? Чей дух нетленный
 В словах бессмертие прозрел?

Можно сказать, что благодаря книгам стихов Володи у нас открылось второе дыхание, мы живем с полной отдачей сил и чувств. Спасибо ему! Он всегда будет с нами! И «...не погаснет над землею моя заветная звезда, – писал Володя. – И жизнь другую осеняя, она в заветности своей, быть может, снова воссияет в душе кого-то из людей».

ПЕРСОНА

Незамутненная мечта философа Владимира Осипова

*«Жизнь - это то, что вот сейчас,
 Сию минуту - видим, слышим...
 И, может, есть еще запас
 И дней, и лет, нам данных свыше.*

Владимир Осипов

Всегда хотела познакомиться с настоящим философом. Тем, который не замыкается на обыденных вещах нашей жизни, не отдает себя пустой суете

те. Который где-то там. И вот, наконец, случай, а может быть, чей-то промысел указал мне дорогу.

Владимир Осипов – профессор Поморского государственного университета, философ, поэт, художник. Безумно интересный человек, с которым можно говорить часами. О чем? Да все о том же. Зачем мы вообще живем? Как не потерять, а если потерял, отыскать свое «я». Что такое счастье.

Вообще-то его больше волнуют не совсем обычные вопросы – он автор более 40 работ, в которых осуществлен систематизированный анализ таких мало исследованных в современной философской литературе аспектов, как становление гносеологической проблематики естественноисторического материализма в ее связи с внутринаучной рефлексией, онтологические основания воззрений многих выдающихся личностей, реконструкция теории познания. Эйнштейн, Максвелл, Менделеев – почти кумиры, люди, которые его вдохновляют.

При этом Владимир Иосифович не только философ, он еще и поэт, страстно влюбленный в четверостишия. Сочинять начал еще в детстве, а столь красивой стихотворной формой увлекся в студенческие годы – решающую роль сыграло творчество Омара Хайяма, размышляющего о мире и смысле нашего существования.

Не так давно у Владимира Осипова вышла и своя поэтическая книжка, в которой он размышляет над широким кругом вопросов как мировоззренческого и этического характеров, так и связанных с искусством, наукой и основами человеческого существования. Голубенькая обложка, красивое и простое название «Слово о жизни и душе», – если честно, читала всю ночь напролет. Особо зацепило вот это:

Когда посмотришь непредвзято –
Все в жизни тлен и суета,
И лишь одно в ней сердцу свято –
Незамутненная мечта.

Интересно, а сбылась ли эта самая «незамутненная мечта» у прославленного архангельского философа? Именно об этом мы и говорим с Владимиром Иосифовичем и его женой Элиной Николаевной.

- Каковы были ваши первые ощущения после того, как вы узнали о присвоении почетного звания?

В.И.: Я уже было забыл о том, что некоторое время назад меня хотели представить к этой награде, а сейчас, конечно же, мне очень приятно. Все-таки позади столько лет преподавательской работы, и эта оценка, пусть она и чисто формальная, все равно радует.

- Я знаю, что по образованию вы историк и филолог, но в качестве своего жизненного пути почему-то выбрали философию...

Э.Н.: Знаете, для меня самой удивительно, как он стал заниматься вопросами философии! Самое интересное, что в своих исканиях он прежде всего отталкивался от своего интереса к физике и естествознанию, что ненамного легче.

В.И.: Изучать мировоззрение естествоиспытателей я стал по совету своего научного руководителя. Больше всего меня привлекали ученые-материалисты и их философские взгляды на жизнь. Вот и увлекся физикой, математикой, биологией. Причем не просто на уровне интересующегося человека – меня интересовали Эйнштейн, Максвелл, Фарадей прежде всего как люди, способные изменить этот мир, сделать такие открытия, которые перевернули бы традиционные взгляды. Таким образом все мои научные обобщения вылились в философию. Я защитил кандидатскую диссертацию, написал докторскую, чем очень горжусь.

Э.Н.: Очень хорошо о моем муже говорится в энциклопедии «Философы России XIX-XX столетий. Биографии, история, труды». Красивая и простая статья, которая рассказывает о нем все-все. За последние несколько лет она издавалась около пяти раз – приятно оказаться в настолько серьезном издании.

- А сколько книг опубликовали вы сами?

В.И.: Ой, много. Опубликовано несколько десятков статей, восемь монографий, например, «Теория познания Э. Маха» и «Философское мировоззрение М. В. Ломоносова и русских естествоиспытателей XIX века». А в 1988 году в издательстве ЛГУ вышла одна из самых любимых публикаций – «Проблемы познания и методологии науки в естественноисторическом материализме».

- Это правда, что вы еще и рисуете?

В.И.: Больше всего мне нравится портретная графика в манере сфумато. Это техника Леонардо да Винчи – светотень, смягчение очертаний предметов. Все рисунки сделаны простым карандашом.

Э.Н.: Он рисовал Чайковского, Ленина, Иуду. И даже самого себя! Но Леонардо да Винчи, пожалуй, остался его самым любимым персонажем.

- Владимир Иосифович, расскажите поподробнее о своей последней книге...

В.И.: Да что там рассказывать, все, о чем я думал, все, что я чувствовал, – все в моих стихах. Поэзия – это что-то такое, чего не выразить словами. Говорить о ней – то же самое, что пытаться объяснить технику рисования того же да Винчи. Но, если хотите... Однажды я увлекся восточным мироощущением Омара Хайяма и с тех пор сам не свой. Сначала стал подражать, философствовать – а потом все закрутилось. В последние пять лет написанных мною четверостиший стало так много, что появилась мысль издать их в одном сборнике. Наверное, это был подарок к моему семидесятилетию, который я сам себе задумал. Получилось, как мне кажется, очень хорошо.

- О чем эти стихи?

Э.Н.: Я считаю, что тема творчества отражена в названии – «О жизни и душе». То есть там можно найти все вопросы нашего бытия. Того, что кажется важным самому человеку...

В.И.: В этой книге есть даже то, что касается моей личности. Это в некотором роде размышления. Например, о том, что жизнь бессмертна, о том,

что такое добро и зло без духовности. Здесь собрано все, чем должен жить задумывающийся человек...

- А что вас интересует сегодня – что читают архангельские философы?

В.И.: Не так давно сын принес Никколо Макиавелли, начинаю читать, и пока мне нравится. Разумеется, меня увлекает политика, история России, особенно книги о современном положении нашей страны. Кожин, Зиновьев – очень интересные авторы. Раньше я вообще читал запоем полные собрания сочинений интересных мыслителей – сейчас, конечно, уже не то время...

Э.Н.: По своим знаниям он настоящий энциклопедист... Мы же учились на историко-филологическом, а значит, должны были иметь представление обо всем на свете – и это не могло не оказать своего влияния.

В.И.: В моей личной библиотеке тысячи изданий, которые я собирал начиная с 1952 года. До сих пор помню: моей первой покупкой стала «Война и мир» Толстого. Ради книг простаивал очереди, подписывался, доставал их невероятными путями – такая вот у меня любовь. Даже наши внуки имеют исторические имена. Маленького внука зовут Владимиром Ярославовичем – настоящий Мономах!

Яна Бобылкина
«Архангельск». № 169 (3430). 15 сентября. 2006 г.

И.Ф. Демина

**Муся Антропова
(Преловская Мария Васильевна)**

Можно было бы дать моим воспоминаниям о самой близкой подруге более яркое заглавие, но Муся не любила ничего показного, а мне она так дорога, что я не могу поступить иначе. Я буду писать именно о Мусе. Так звали ее дома, так звали ее мы в студенческие годы.

Ее не стало в 2005 году, а боль в душе до сих пор не утихает. В студенческие годы я, наверное, не до конца понимала, как она мне дорога, да и меня она видела иной. Но, окончив институт, мы не могли потерять друг друга из

виду и изредка общались, пока росли дети и было много забот. А после встречи тридцатилетия нашего выпуска стали видеться каждый год и часто звонить друг другу.

Муся родилась в городе Котласе 29 марта 1937 года. Семья жила бедновато, потому что рано умер отец, а детей в семье было трое. Отец ее был из семьи священнослужителя, поэтому долгое время жили в тревоге, боясь репрессий. Мать Муси – уважаемая в городе учительница, учительствовала всю жизнь и старшая Мусина сестра Роза Васильевна. Муся окончила семь классов в Котласе, а потом – Сольвычегодское педагогическое училище и Архангельский педагогический институт.

На вид Муся казалась недоступной, иногда даже дерзкой (это было самозащитой тонкой и легко ранимой души), прямо высказывала свое понимание вещей, но, по сути, была сдержанным человеком. Муся была взрослее нас не только по годам, но прежде всего по мировосприятию, понимала, как трудно живется многим однокурсникам, и старалась помочь им и словом и делом.

Муся была рукодельница. Хорошо шила, вышивала. Она всегда была пусть и не богато, но со вкусом одета, за один вечер могла изменить фасон своего платья, форму мехового воротника у зимнего пальто. Помогала в этом и девчонкам-однокурсницам. Недавно об этом вспоминала Катя Губкина.

Муся была содержательным человеком. С ней было интересно разговаривать и о литературе, и о живописи, и о музыке. С ней был очень дружен Володя Осипов.

После окончания института (она была к тому времени уже замужем) Муся вместе с мужем Рудольфом Вениаминовичем Преловским уехала в Орел, куда он получил распределение как выпускник МЭИ. Изредка мы перебрасывались поздравительными открытками с краткими сообщениями из своей жизни. И вдруг я получаю письмо из Ирана: ее муж командирован на строительство плотины. Их сыну Алеше исполнилось тогда семь лет, и Муся

сама учила его почти весь курс начальной школы. Когда они возвратились на родину, переехали жить в Тулу. Рудольф работал в облисполкоме. А через некоторое время я получаю открытку из Монголии. Это было новой командировкой мужа Муси. В Монголии она была заведующей детского сада, а Алеша уже стал студентом МЭИ, который окончил его отец.

Муся не работала учительницей (переезды, слабое здоровье), но была замечательной воспитательницей. Ее уважали родители, помнили дети. Выйдя на пенсию, Муся не отставала от жизни. Много читала, посещала концерты, если позволяло здоровье. У них была хорошая библиотека, которую пополняла не только она, но и их сын.

В дружбе, общении Муся была избирательна, не всех к себе допускала. Но если уж дружила, то становилась родной. Она очень тонко чувствовала сущность людей, иногда удивляла меня этим и даже восхищала. Не случайно теперь, когда ее уже семь лет нет с нами, я общаюсь с ее друзьями в Туле, мы вместе посещаем ее могилу, с глубоким уважением говорим о ней, вспоминая.

Она ушла, так и не став старушкой. Однажды в Туле мы ехали с ней в троллейбусе, и девушки называли одну пожилую женщину бабкой. Муся на это сказала вслух: «Ну вот. Скоро и нас с тобой так назовут». Одна из девушек удивленно посмотрела на нее и ответила: «Нет, вас бабкой никогда не назовешь». Действительно, в ней было столько достоинства, в лице прочитывался такой интеллект, что она до конца оставалась не просто женщиной, а дамой.

Что же осталось теперь? Теперь осталось, пока есть силы, поехать в Тулу, постоять у ее могилки, поплакать, вспоминать и жить тем теплом, которое она оставила нам, друзьям.

И.Ф. Демина

Наш Юрочка

Когда я прочитала в газете «Правда Севера» статью Дмитрия Шеварова «Хранитель», в душе появилась некоторая досада: «Не то, не так», – дума-

лось мне.— Но почему? В статье ведь все правильно!» Однако потом поняла, откуда появилось у меня такое чувство: мы знаем разного Юрия Николаевича Скобелева. Для меня он был и остался Юрочкой – чистым, светлым, замечательным человеком.

С Юрой я переписывалась вплоть до его кончины. Его добрые, искренние письма были как бальзам на душу. Сообщение о том, что его не стало, больно ударило в сердце. Из моей памяти он не уходит и, наверное, не уйдет никогда. Как живые, встают передо мной воспоминания.

Каргопольский район. Деревня Савино. Мы, первокурсники историко-филологического факультета, на сельхозработках. Живем все в одном деревенском доме. Комнаты – смежные, у мальчиков – проходная. Юрочка сидит на кровати и печально смотрит в окно. «Видно, по дому скучает», – проносится мысль. Мне стало так жалко его, что я подошла и погладила его по русым вьющимся волосам. С тех пор он стал называть меня «мама Ира». Не забыл об этом, даже когда прошли десятилетия, и в своих письмах именно так ко мне обращался.

Родился Юра в деревне, в Мантуровском районе Костромской области. Отец погиб на войне, и мать одна растила трех сыновей: «Шурку, Юрку и Колюньку». Николай рано погиб, Александр остался жить в деревне, а Юра рос особенным. Любил читать, знал много стихов, любил говорить, иногда даже витиевато. На семинарских занятиях я иногда дергала его за полу пиджака: «Юрка, опять запел соловьем!». Наверное, это красноречие было от влюбленности его в литературу, поэзию, родной язык.

Жилось Юрочке, как и многим моим однокурсникам, трудно: небольшая стипендия, помощи из дома почти никакой. Скучно было и с питанием, и с одеждой. Однажды Юра так старательно гладил свои единственные брюки, что подпалил их. Так и ходил в них долгое время.

По окончании института Юра не приехал по месту распределения, ему пришлось отправиться к тете в Форос. Там он работал в школе, потом был призван в армию. Служил в Котовске. После демобилизации работал на ар-

хеологических раскопках в Крыму. Это время он вспоминал как самое счастливое. Местные органы власти перевели его экскурсоводом в Ливадийский дворец, а затем назначили главным хранителем музея А.П. Чехова в Ялте, где он и работал (служил!) до конца своих дней. Должность была беспокойная: держать все чеховские вещи в полной сохранности, постоянно проветривать, проводить обработку специальными средствами (в общем-то вредными для человека). В перестроечное время стало даже страшно за музей: в Ялте часто отключали электроэнергию, и Юра среди ночи бежал в музей, чтобы караулить его экспонаты (благо, он жил на Боткинской улице, недалеко от музея).

Работая главным хранителем музея А.П. Чехова, Юрий вел и исследовательскую работу, он сотрудничал с другими музеями писателя (например, города Чехова), выступал на Чеховских чтениях, конференциях в России, Украине, за рубежом, его работы публиковались. К Юре обращались постановщики чеховских пьес, фильмов по произведениям Чехова. После майских праздников в 1999 году он пишет: «Перед чеховскими Днями пришлось хорошо поработать. Несмотря на разрушения, «Белая дача» сияла, и всем участникам конференции это очень понравилось. На чеховских чтениях выступил хорошо: мое сообщение было замечено среди 50 докладов.

Торжественное открытие Международной научной конференции состоялось 5 апреля. Артисты Крымской филармонии дали чудный концерт. Много хорошего было сказано в адрес сотрудников музея. Сделано много даров в связи со 100-летним юбилеем «Белой дачи» – свыше ста предметов. До сих пор еще не могу обработать и взять на учет новые музейные предметы. К юбилею приурочен выход из печати альманаха крымских музеев «Крымские пенаты» с нашими научными статьями.

Культурная программа была более скромной, чем в былые годы, но интересной. Алла Демидова прекрасно читала стихи Пушкина, Тютчева, Мандельштама, Черного, Ахматовой, Цветаевой. Актер и режиссер МХАТА Брусникин провел презентацию своих короткометражных видеофильмов,

снятых по произведениям Чехова. Москвичи привезли балет «Душечка», поставленный по рассказам «Дама с собачкой», «Душечка» и другим.»

Насколько Юрочка любил свою работу, говорят строки из его письма, в котором он делится планами после своего 60-летнего юбилея: «Все-таки намерен оставить хранительскую работу. Подал заявление. Но нескоро еще назначат человека (вернее, подберут), которому я должен буду передать 25 тысяч музейных предметов. Сама передача займет четыре–пять месяцев. Постепенно приучаю себя к мысли, что надо оставить чеховский дом. Сейчас сушу мемориальную мебель и ткани и с грустью думаю, что делаю это в последний раз. Одним из моментов прощания с чеховским домом стал прекрасный музыкальный концерт в мемориальной гостиной. В сопровождении чеховского пианино наслаждались прекрасной игрой скрипичного дуэта из Москвы (лауреаты международных конкурсов). И исполнители чувствовали себя счастливыми, так как выступали в необычной обстановке, и мы, слушатели».

А вот как оценили служение Чехову украинские власти: «Оформил пенсию. 18 августа получу впервые свои пенсионные крохи. Начислили 59 гривень за 41 год непрерывного стажа (это максимум) и добавили 25 гривень за погибшего на фронте отца. На российские деньги 84 гривни – это 500 рублей. Ну еще у меня 50 % скидки за коммунальные платежи».

Последний раз я виделась с Юрочкой в марте 1994 года. Вспоминаю его 16-метровую комнату в коммунальной квартире. Чистота, идеальный порядок. Главное богатство – книги, да еще две картины-подлинники, которыми он гордился (к сожалению, не помню художников).

Вот мы сидим втроем: Юра, Гена Жданов и я. Отмечаем встречу. Вспоминаем студенческие годы, друзей. Поем песни, которые любили когда-то, и обязательно «Сиреневый туман». Юрочка вдохновенно читает стихи. На следующий день он ведет нас в свою вотчину – музей А.П. Чехова и сам проводит экскурсию, раскрывает все шкафы и сундуки. С гордостью показывает свое хозяйство. Кажется, что Чеховы для него родные и близкие люди.

В эти дни мы прошли по Царской тропе, побывали во Дворце Александра III в Масандре. В городе на каждом углу продавали гиацинты, и запах их витал в воздухе. Все события этих дней до сих пор стоят перед глазами. И Юрочка, возмужавший, энергичный, улыбающийся, вдохновенный и романтический. И все те же непослушные русые кудри, серые молодые глаза.

Юрочка всю жизнь был хорошим заботливым сыном. Пока была жива его мать, он считал себя обязанным проводить отпуск в родной деревне и помогать ей по хозяйству.

Благодарная память об однокурсниках до конца сохранялась в его душе: «Шестидесятилетие – очень важный рубеж в нашей жизни, – писал он, – так пусть будут связаны с ним приятные воспоминания. И, конечно, радуюсь взаимопониманию моих бывших однокурсников. Я теперь далек от юношеского максимализма и о каждом из них вспоминаю с уважением и симпатией. Встретиться, вероятно, уже не приведется, остаются только воспоминания. Очень хочется повидать Мусю. Тут надежды на встречу более реальные, так как на родину когда-нибудь я все же соберусь и в Туле непременно сделаю остановку.

Я свой юбилей отметил в два приема. Тринадцатого июля состоялось торжество на работе. К моему удивлению, все прошло очень тепло и душевно. Мои настоящие и бывшие коллеги из исторического музея, Ливадийского и Алушкинского дворцов проявили много творческой изобретательности. Приветствия в прозе и стихах были искренними и с юмором. Было много подарков и цветов. Даже сняли для памяти видеофильм. Приезжали на юбилей Гена, Римма и Маша. Мои коллеги хором исполняли сочиненные ими песни, посвященные деятельности главного хранителя чеховского Дома. Когда все разошлись, мы с моими коллегами-дамами больше двух часов пели и подкрепляя пение бокалами искрящегося крымского вина. Дома собирал только моих старых друзей (Аза Павловна тоже была), Тут, как и у тебя, все прошло спокойней, интимнее, по-семейному, весело и радостно. У нас уже сложились свои традиции встреч. Поднесли посвященные мне стихи и даже вы-

ставку. В чувстве юмора и душевности моим друзьям не откажешь. Все это в изобилии лилось на празднике».

В конце 90-х ему, наконец, дали отдельную однокомнатную квартиру из вторичного жилфонда как сыну погибшего на войне. Много сил он потратил на ее ремонт, но пожил в ней недолго.

Не стало Юрочки, не стало его теплых светлых писем. Семьи, к сожалению, у него не было. А я благодарна судьбе за то, что в моей жизни было общение с таким светлым человеком, как Юра Скобелев.

Д. Шеваров

Хранитель

Эта статья известного журналиста Дмитрия Шеварова была опубликована в газете города Ялты. Затем была перепечатана в нашей газете (кажется, «Северном комсомольце»). Для всех однокурсников и в память о Юрии Скобелеве публикуем ее полностью в нашем сборнике.

Мы познакомились семь лет назад. На калитке болталась табличка «Весенняя профилактика». Дом проветривался, отдыхал. Отдыхали шкафы, распахнув створки, книги, абажуры, цветы... По дому гулял вольный воздух из сада.

После жарких ялтинских улиц в доме было зябко и сумрачно. Может, поэтому я сразу привязался к Юрию Николаевичу Скобелеву, главному хранителю музея, – он был светлый, рыжий, смешливый, как мальчишка. В синем лаборантском халате, с тряпочкой и пузырьком в руках...

– Сегодня с чеховским пианино вожусь... Там очень много деталей, покрытых сукном, кожей. Боюсь, чтобы кожееды не завелись...

Вещи требовали от Скобелева протирки, пропитки, просушки... Вчера проветривал и чистил чеховское пальто, сегодня лечил пианино, завтра предстояло проверить содержимое шкафа: платки, манжеты, рубашки, соломенная шляпа...

Помню ключи к тому шкафу — самые обычные, но ведь не потерялись за сто лет! Те самые, которые столько раз мелькали в руках мамы Чехова, Евгении Яковлевны. Быть может, и терялись, а она спрашивала: «Антоша, ты ключей моих не видел?..» А ключи лежали на самом видном месте и смеялись.

Мне было странно, что каждый день Юрий Николаевич вдохновенно наводит порядок там, куда посетители никак заглянуть не могут: под крышкой пианино, в платяных шкафах, сундуках, комодах... Очевидно, таковы инструкции, думал я. Сейчас понимаю, что это было не столько следование инструкциям, сколько Чехову.

Помните «Дом с мезонином»? Антон Павлович писал про этот дом, что там «все дышало порядочностью». Порядочность там, где чистые окна, свежий воздух и прислуге говорят «вы». Где нет пыли, даже музейной.

Туристы полагают, что хранитель — это старушка, что сидит в зале с экспонатами и дремлет. А это — уникальная, штучная профессия, которой нигде не учат. Особая каста людей, где все друг друга знают. О Скобелеве я впервые узнал от музейщиков на Урале. Мне сказали о нем с восхищением: «Умница и настоящий отшельник».

Но в те майские дни Юрий Николаевич был отчего-то рад, что я нарушаю его одиночество, хожу за ним целый день, как ручной журавль когда-то ходил за Чеховым.

«...Я родился на Севере, в деревне Каменка, есть такая на границе костромских и вологодских земель. Учился в Архангельске, в педагогическом, на историко-филологическом факультете. Тогда, в пятидесятые, в институте преподавали ученые — бывшие ссыльные и только что освобожденные из лагерей. Уровень был прекрасный, мы занимались, можно сказать, по университетской программе: литература, язык, история. Потом армия... Работал учителем истории... В Ялте у нас жили родственники. Так попал в Крым... Если уезжаю в командировку или в отпуск — прощаюсь с Домом... Как он будет без меня, а я без него?..»

Коллеги Юрия Николаевича сообщили мне в недавнем письме, что при нем музейный фонд увеличился в четыре раза. «На его материально-ответственном хранении находилось 16 642 музейных предмета...»

Чехов, который не только вещи, но и любимые книги неустанно дарил, – он был бы поражен такой уйме добра в своем доме. Откуда что взялось? Непрительная обстановка Дома последние двадцать лет таинственным образом пополняется. Что-то вдруг обнаруживается за страницей книги, за створкой шифоньера, в ящике стола...

- Антон Павлович выписывал журнал «Зерновое хозяйство России», к нему прилагались мешочки с образцами семян. Они давно пусты, но вот недавно я еще раз заглянул в один из них и нашел там на дне девять зернышек пшеницы. Девять чеховских зернышек! Интересно было бы взять и посадить их... Но – нельзя.

- Одно-то, наверное, можно...

- Нет, они у меня записаны – все до одного. Теперь их всегда будет девять...

Кажется, что если бы у Юрия Николаевича были только эти чеховские зернышки и ничего другого, он бы все равно оставался Хранителем. У него бы и с зернышками хватило забот. Так дети хранят марку или монету, а влюбленные – сухой цветок, принятый когда-то из любимых рук.

Но при этом есть нечто особенное, что отличает хранителя и от ребенка, и от влюбленного, и от коллекционера. И это особенное поднимает труд хранителя до аскетической высоты: он не владеет тем, что хранит.

В те дни, когда жажда накопления и приватизации лишала людей сердца, а политики делили флот и кроили новые границы, всеми забытые сотрудники музеев спасли для русской и мировой культуры дом Чехова в Ялте, музей Короленко в Полтаве, квартиру Александра Грина и галерею Айвазовского в Феодосии, знаменитый волошинский Коктебель... Порой нетопленые комнаты им приходилось согревать своим дыханием, а неусыпным присут-

ствием, светом в окошке отпугивать охотников за антиквариатом и просто хулиганов, бомжей, которых неудержимо влечет пустое жилье.

Зарплату музейные работники и сейчас кое-где получают от случая к случаю, но ведь было время – сидели на воде и хлебе. Помню, купил первую черешню на ялтинском рынке, о чем и сказал в музее: хорошо, мол, живете, у вас уже черешня поспела ...

- Да-да, – задумчиво сказал Юрий Николаевич, – замечательно... Но нам не по карману. Я посмотрю, облизнусь и иду дальше...

Бедность тяжела, унизительна, но она не так тягостна, как постоянная, до замирания сердца, тревога. Изматывающее опасение утратить.

«...Иногда сигнализация срабатывает в два-три часа ночи, мне звонят из милиции: «У нас снялось с охраны... горючего нет, машины выслать не можем. Ну, мы вас предупредили...». И что делать – бегу. Если не пойду, так я с ума сойду! Хотя знаю, что скорее всего сработало оттого, что электроэнергию отключали. Город весь в темноте... И бывает, по три раза за ночь сбегашь. А в прошлом году ураган страшный был, с пульта звонят ночью — мигнуло у них, снялось с охраны. Я – на улицу. Куски черепицы летят, падают, все воет, трещит, сучья ломаются ... Бегу вдоль речки и думаю: «Только бы меня в речку не сдуло, только бы не сдуло!..» Слава богу, при Чехове таких ураганов не было ...»

Скобелев относился к Чехову, как нянька. Ребенок вырос, уехал и неизвестно, вернется ли. Но няне это неважно, она его все время ждет, и каждый день наполнен хлопотами приготовлений и ожидания.

Поэтому Юрий Николаевич говорил только: «Дом...». Музей – это когда с миру по нитке собирают вещи и устраивают мемориальную экспозицию. А здесь человек вышел майским утром из дома, поцеловал маму, простился с кухаркой, садовником, собакой и уехал подлечиться. «Представим, – любил повторять Юрий Николаевич, – что Чехов вернется... Он должен найти все вещи на своих местах...».

Все вежливо соглашались, но представить, как Чехов вернется, никто, кроме Юрия Николаевича, не решался.

«...Особенно здесь хорошо в погожие дни. Чехову нравилось, когда по утрам на ковре играли солнечные блики. Он любил позднюю весну, солнце. И сад свой он задумал так, чтобы в нем круглый год что-то цвело и была бы вечная весна...»

С пятого на шестое июля девяносто четвертого, в музей, разбив двери на веранде, ворвались грабители, схватили икону Николая Чудотворца, две вазы, в кабинете сорвали со стены фотографию с видом вечерней, «голубоглазой», как говорил Чехов, Венеции... Через полторы минуты скрылись. Милиция приехала без собаки, и о преследовании уже речи не было.

Следователи появились утром. Скучая, выслушали Скобелева. Желая его, видимо, немного успокоить, сказали: «Государства рушатся, не то что музеи...» После чего Юрий Николаевич сорвался: «Пусть государства рушатся, туда им и дорога!., а это Чехов! Если вы не найдете его вещей...» И еще – о человечестве, которое не простит, о культуре, о совести....

Осенью Юрий Николаевич написал мне: «...Слава Богу, пока держимся, немногочисленные посетители приходят поклониться Антону Павловичу, чтобы обрести внутреннюю устойчивость и веру в обстановке хаоса и неразберихи. ...Постоянно отключают освещение. Воду дают только один раз в неделю на один час. Отопление без воды не функционирует. А впереди зима... О похищенных чеховских вещах, к сожалению, ничего сообщить не могу. Не утихает чувство душевной боли и горечи оттого, что допустили такое. При каждом вечернем телефонном звонке сердце замирает...»

В милиции он, наверное, всем надоел. Приходил, звонил, просил, требовал. Ему обещали, говорили, что держат на контроле. А он уходил, держась за сердце.

В мае девяносто шестого рассказывал мне в письме: «...Провели побелку и покраску Чеховского Дома снаружи. О похищенных из музея вещах ничего неизвестно. Да я и не надеюсь ни на что. Очень обидно и больно...»

...Мы обходили сад, потом присели на скамейку. Над нами так пели дрозды, что мы какое-то время молчали, слушали. Юрий Николаевич улыбнулся своей детской улыбкой:

— Что-то вечное есть и в птицах, и в деревьях, и в людях, во всем... У Чехова была синяя тетрадка «Сад», там записаны на латыни названия растений, высаженных им в саду. Треть из них и сейчас растет здесь. Но многое и не приживается. Вот клуберозы — темные такие, с изумительным запахом... У Чехова росли, а у нас не растут. Понимаете, мы другие...»

А утром снова баркас стучал моторчиком.

Монах Василий тихонько пел в ялтинском храме: «...Ризу мне подаждь светлу... укрепи мя во благих, хранителю мой, и настав и мя чудно к тишине...»

Дворники сметали осыпавшиеся за ночь лепестки роз.

«...Не знаю, дошла ли до вас весть о том, что 6 октября 1999 года скоропостижно умер Юрий Николаевич... До сих пор не можем свыкнуться с этой утратой... Без Юрия все не так, и никогда не будет так, как было при нем, ибо чеховский дом был смыслом его жизни...»

Вот какой горестный толчок был всему, о чем мне так светло вспомнилось сегодня.

На днях получил из Ялты еще одно письмо: «...У нас стоят ясные морозные дни, а в чеховском саду зацвели подснежники. Цветет жимолость и жасмин голо-цветковый. Напротив моих окон распустилась японская айва...».

Е.Д. Кузнецова

Вспоминаю своих друзей

Хочу прежде всего написать о Клаве Носовой и Володе Осипове, однокурсниках, близких мне по характеру, силе жизни, сдержанности, порядочности, душевности...

Вот сидим мы с Клавой на лекции, а впереди нас, как всегда, сидит Володя. Спокойный, немногословный. Классически красив, густая шапка кудрей на голове. Волосы настолько густы, что он не чувствует, когда я из-за озорства тихонько вдеваю между завитками свою ручку. Клава одергивает меня...

Нет Клавы, нет уже и Володи, а я все помню...

Вот выпускной вечер, вот я танцую с Алексеем Николаевичем Аксеновым, потом с Володей... Ведь он хотел меня назавтра проводить на поезд, а я уехала на Виледь на пароходике...

Дружбу с Володей и Элей Осиповыми я сохраняла всю жизнь, часто писала им, бывала у них. Они подружились и с моим мужем Иваном, оценили его доброту, простоту, его заботу обо мне, любовь ко мне. Он заботился и о них: разыскал Элю, когда она работала в Архангельске до отъезда в аспирантуру, привез ее к нам в Савинское, потом мы прислали ей фотографии нашего первенца... При встречах в Архангельске всегда заботился о Володе. Они нравились друг другу.

Помню большой сбор в квартире у Осиповых, и как я повеселила всех своими деревенскими частушками – знаю я их великое множество. Как смеялся Володя! Бывала я у них и с дочерью Татьяной, окончившей естественно-географический факультет нашего пединститута, они встречались с моей внучкой Наташей (отличницей!) перед поступлением ее в ЛГУ – вот она уже заканчивает бакалавриат, а с Владимиром Иосифовичем уже не поговорить...

Помню, как Володя, шутя, прислал мне автореферат своей диссертации (я писала ему еще в Питер: пригласи меня на защиту), и когда в очередной раз к нам приехала Клава (кажется, это было в каникулы нового 1968 года), мы вместе с ней прочитали его, а Клава, как всегда это делала в институте по философии, растолковывала мне разные нюансы.

Клава из большой семьи: у нее было четыре брата и четыре сестры. Отец ходил в море рыбаком. Вели свое хозяйство, но достатка в семье, конечно, не было. Старшая сестра Саша уже окончила педучилище и работала

учителем начальной школы. Только она и могла материально немного помогать Клаве. По распределению мы обе поехали работать в Плесецкий район. Клава два года работала в школе поселка Самодед, а затем уехала домой, стала работать в Тельвиской школе, долгое время была завучем. Ее опыт работы обобщали методисты Архангельского областного института усовершенствования учителей. Она выступала с докладами, лекциями на семинарах в ИУУ, методических объединениях учителей, ее статьи печатались в сборниках ИУУ. Но Клава, Клавдия Филатовна Банина, этому не придавала значения, она просто работала – честно, добросовестно, на износ. С мужем Александром они вырастили замечательных, трудолюбивых и любящих сына и дочь, они окончили вузы, теперь уже дочь Клавы – Наталья – завуч Тельвиской школы. Клава очень тяжело приняла нашу «перестройку» и все последующее, переживала за Север, его народ, писала об этом в письмах: «Тундру всю обезобразили, Печору нефтью залили. Скотоводство во всей округе порушили, фермы во всех деревнях закрыли. У нас убрали дойное стадо. Правда, Нарьян-Мар строится. Рассчитывают лет на 50 вести нефтедобычу, поэтому беспокоятся о своем комфорте. Те, кто всю жизнь трудился на благо родины, живут в нищете».

Как мы с Клавой понимали друг друга, как всегда, одинаково воспринимали и понимали все происходящее в нашей жизни. А теперь вот нет у меня ни мужа, ни подруги...

Но мы помним вас, дорогие однокурсники! Помним всех... И тех, кого уже не стало в этой жизни.

Помним нашего Юрочку Скобелева (нашего Сережу Есенина, как мы его между собой называли), милого, доброго, такого красивого и неповторимого. Всегда представляю его рядом с Ирой Брызгуновой, Мусей Антроповой, Лилей Никичур, Галей Белоруковой...

Рано ушел из жизни Валерий Шубин, скромный, добрый и бескорыстный, со всеми на курсе уживчивый, спокойный и старательный. Еще на 3-м курсе он встал на учительскую стезю, по призыву облоно поехал в Михалев-

скую школу Устьянского района учить ребяташек истории. Потом в армии служил. Жил, работал, стал директором школы под Тулой, сына растил, а нелепая случайность оборвала его жизнь.

Второй год как нет Шуры Петуховой... Скромная, во всем настоящая, такая надежная, на таких и держится мир. Всю жизнь она учительствовала в одной из школ Онеги, довелось учить русскому языку детей Рудольфа Ханталины, своего однокурсника, воспитала своих замечательных детей. А с какой теплотой отзываются о ней коллеги!

Нет Муси Антроповой, моего доброго и верного наставника. Как она понимала, чувствовала меня, девчонку-сироту, как опекала, молчаливо принимая мои проблемы. Кроила мне блузки, юбки, чтобы я на общежитской швейной машинке смогла пошить себе обновку.

Ушла навсегда Варя Канева, такая беспокойная, неугомная и неутомимая, в чем-то похожая на меня. Она учила девчонок жить в «семисотке», в больших комнатах, где селили по 10–12 человек, учила порядку-распорядку, ведь она уже пожила в общежитии, умела обустроить этот нехитрый быт. Варвара была и певуньей, много песен нами было перепето за студенческие годы вместе с Клавой, Зиной Волковой, Валею Жилиной, Гелей Мылюевой, Галей Шашковой, особенно когда на 4–5-м курсах мы уже жили в новом общежитии, построенном рядом с учебным корпусом (впоследствии это корпус № 5 ПГУ). По мужу Варя стала Шекаловой, думаем, это кто-то из родственников матери Володи Осипова – Ксении Шекаловой, они из одних мест, из Конева. Варя жила в Снежногорске Мурманской области, по месту службы мужа, уже после его смерти она получила квартиру в Архангельске, встречалась с нами, своими однокурсниками, бывала и на зимних, рождественских встречах у Гали Кадулиной. Галя, Ира, Миля, Эля, Володя Садилов пришли проводить ее в последний путь – дочь, брат, родные решили похоронить ее рядом с мужем, на его родине. У Варвары замечательные дочери, очень талантливая внучка. Ира Брызгунова поддерживает с ними связь.

Совсем недавно мы узнали о том, что 17 сентября 2010 года ушла из жизни Галя, Галина Павловна Белорукова, не только однокурсница, но и одноклассница Валеры Бабушкина, Эли Алсуфьевой и Гали Шашковой – четверо выпускников Черевковской средней школы поступили на один факультет. Это была наша умница, как и Володя Осипов, всегда готовая отвечать на семинарских занятиях. Небольшого роста, со светлыми вьющимися волосами, несколько застенчивая, она не принимала участия в наших шумных компаниях, предпочитала им чтение, свои занятия. Очень была дружна с Мусей Антроповой, Юрой Скобелевым. По распределению она уехала работать в Илезу Устьянского района, а потом училась в аспирантуре и работала в Сыктывкарском пединституте, позже переехала в Ижевск, стала доцентом университета, имела аспирантов, руководила археологическими практиками. Так сложилось, что из родных и близких у Гали никого не осталось, но дочь старшего брата, надеемся, ухаживает за ее могилой.

Мы помним вас, однокурсники! Мы живы, и вы всегда для нас живые!

Г.С. Лузгарева

Рождественские встречи

Время от времени оглядываясь назад, ощущаешь вокруг себя иногда пустоту, а иногда крепкую поддержку. Я окончила институт на год позднее своих первых сокурсников (была в академическом отпуске в связи с рождением дочки), но именно те, с которыми начиналась моя студенческая жизнь, были со мной рядом, считали подругой, помогали своей поддержкой в сложных жизненных ситуациях. Ирочка Брызгунова, Инна Тарутина, Эля и Володя Осиповы, Марта и Валерушка Бабушкины, Миля Железникова, Галя Кадулина. С ними рядом идет моя жизнь. Радость одного – радость всех, печаль одного – это печаль всех. Но печали уходили, когда мы собирались вместе.

У Бабушкиных в деревянном доме было прохладно, да и места немного. Но как нам было там тепло и уютно! Особенно запомнился один из вечеров. Заходим, а в коридорчике уже стоят Коля Пиличев, Гена Жданов и Ва-

лера – вместе, как в студенческие годы. Встречают не просто улыбкой и трепетным пожатием, а обняли каждого, для всех нашли ласковое слово. А тут еще появился Кумир – породистый пес. «Это тоже член нашей семьи», – отрекомендовала Марта. Всех обнюхал и спокойно улегся под столом. Признал, значит.

Мы говорили не о политике, недугах, болезнях, а о жизни, детях, пели любимые песни. Валера брал баян, Ирина запевала, и наши голоса сливались в единый хор. Нам казалось, что никто лучше нас не споет ни про «молодого командира», ни про калину красную. А еще мы всегда готовили друг другу подарки. Так мы узнали, что Миля прекрасно рисует, Марточка шьет, да не просто, а специально подбирает ткань, чтобы сделать салфетки, прихватки и обязательно «петуха» для чайника, Иринка печет вкуснящие пирожки, Володя – напечатал книгу философских стихов... А Инна опять уехала путешествовать то ли в Италию, то ли в Испанию. Рудольф Ханталин дарит всем свою книгу «Доля-долюшка», он у нас член Союза писателей.

Каждое общение становится памятным. Уже несколько лет подряд мы собираемся у Гали Кадулиной. Вот и 7 января нового, 2012 года мы собрались снова у Гали, Галины Александровны Сметаниной. Она всегда старается, чтобы всем нам было комфортно. Елка-красавица сияет огнями, нет веточки пустой, у Гали даже игрушки особенные. Стол накрыт, как для самых дорогих гостей. Многие не виделись целый год, вспоминаем друзей, с печалью говорим о тех, кого не стало с нами.

Садилов Володя может нам и спеть. В студенческие годы мы слушали его пение на институтских вечерах, городских смотрах и даже по областному радио. Эля рассказывает, как идет работа над книгой о Володе, нашем большом друге, очень уважаемом человеке, имя которого вписано в энциклопедию «Философы XIX– XX веков». Володя – философ по всей своей сути: сердцем добр, чист душой... Ложатся на сердце его четверостишия:

У жизни нет черновика,
И невозможно в ней прозренья –

Такое, чтоб наверняка
Постичь свое предназначенье.

Друзья мои едины во мнении, что через год мы снова соберемся у Гали.

Жизнь – это то, что вот сейчас,
Сию минуту – видим, слышим...
И, может, есть еще запас
И дней, и лет, нам данных свыше.

Пусть будет так. Пусть будет так долго-долго.

А ГОДЫ ЛЕТЯТ...

**Поры той – студенческой – годы
Умчались – зови не зови...
Прошли – как судьбы эпизоды –
Волнения первой любви.**

Э.Н. Осипова,
Г.С. Александровская

Наша славная однокурсница

Галя Кадулина с детства мечтала быть учительницей, поэтому после окончания средней школы, не раздумывая, поехала в Архангельск поступать в педагогический институт. В 1962 году, окончив историко-филологический факультет АГПИ, получила специальность «учитель русского языка, литературы и истории» и была направлена в среднюю Няндомскую школу № 1 имени А.С. Пушкина.

Сорок семь лет посвятила Галина Александровна любимой работе. Ушла на отдых в 69 лет с чувством выполненного долга. Почти четверть века она работала в Няндомской школе, а с 1987 года – 21 год в школе № 10 города Архангельска. Основным показателем ее работы – результативность, качество знаний ее учеников. Вот только один пример: из класса, в котором она вела уроки словесности и классное руководство, в 1994 году окончили школу с серебряной медалью трое учащихся (Баранаев А., Жгулев В., Фенева Е.), в 1996 году – тоже трое с серебряной медалью (Заволожин А., Миклашевич А., Попов Д.) и Ступина О. – с золотой медалью...

Галина Александровна всегда вела большую общественную работу. В Няндоме неоднократно избиралась делегатом районных и областных конференций ВЛКСМ, работала агитатором, доверенным лицом кандидатов в Верховный Совет СССР. Была секретарем школьной комсомольской организации, председателем профкома школы, членом районного комитета профсоюза работников просвещения.

Галина Александровна – опытный, интересный методист. На протяжении всех лет работы она возглавляла методические объединения учителей русского языка и литературы: Няндомского района, а затем в Архангельске – учителей школы № 10. Более 30 лет, с 1965 года, читала лекции для учителей на курсах повышения квалификации в Архангельском областном ИУУ. Приняла участие в VIII Всесоюзной научно-практической конференции «Методика обучения орфографии и пунктуации в школе» (Москва, 26 марта – 2 апреля 1978 года). «Ее выступление было в центре внимания участников конференции», – отмечено в обзорной статье журнала «Русский язык в школе» (1978, № 4). Также успешно она выступила на Всероссийском семинаре по проблемам идейно-политического воспитания учащихся, проходившем в Иваново 5–9 декабря 1979 года; в 1988 году в Саратове – на Всероссийском литературном празднике, посвященном 70-летию ВЛКСМ.

В 1987–1992 годах Галина Александровна выезжала с лекциями из опыта работы в Котлас, Коржму, Онегу, Няндому, в 1989 году была в творческой командировке в Польше, городе Слупске. Не раз выступала на областных педагогических чтениях, конференциях с темами: «Система работы во внеурочное время по углублению знаний учащихся», «Из опыта работы школьного методического объединения», «Интенсификация процесса обучения русскому языку», «Активные формы работы на уроках русского языка и литературы» и другими. За годы работы в школе Галина Александровна дала сотни открытых уроков для учителей школы, района, области, студентов и методистов педагогического института; оказывала огромную, неоценимую помощь начинающим учителям, постоянно принимала на педагогическую практику студентов пединститута, затем – Поморского госуниверситета. Всегда была надежным помощником руководителей школы в повышении качества обучения, в организации методической работы.

Галина Александровна отдавала работе все самое лучшее своей личности; работая с учащимися, коллегами, не экономила силы, искренне жила их проблемами, и успех, благодарности многих и многих не могли не прийти.

Дух творчества, доброжелательности, порядочности, редкой душевности и обаяния запомнились ее коллегам, ученикам и их родителям, с нею всегда хорошо, счастливо работалось. Труд Галины Александровны достойно отмечен многими наградами:

- Грамотами и Похвальными листами Комитета ВЛКСМ Няндомской промышленной зоны «за активное участие в общественной жизни города и района», «за большую работу по воспитанию молодежи» (1963, 1965, 1978, 1980, 1985 гг.);

- Почетной грамотой Архангельского областного отдела народного образования «за успехи, достигнутые в учебно-воспитательной работе в школе» (1965 – всего через два года с начала трудовой деятельности);

- орденом «Знак Почета» (1976);

- присвоено звание «Учитель-методист» (1979);

- Почетной грамотой Министерства просвещения «за достигнутые успехи в развитии народного образования в СССР, в обучении и воспитании подрастающего поколения» (1985);

- знаком «За творческий педагогический труд» (1985);

- медалью «Ветеран труда» (1985);

- знаком «Отличник народного просвещения» (1987);

- Почетной грамотой МП СССР «за активное участие в секции руководителей Всероссийского литературного праздника, посвященного 70-летию ВЛКСМ» (1988);

- присвоено звание «Заслуженный учитель школы РФ» (1994).

Труд Галины Александровны отмечен многими грамотами школы, Няндомского районо, РК профсоюза (1963–1987 гг.), благодарностями, благодарственными письмами Архангельского ИУУ, грамотами Октябрьского районо, департамента образования мэрии Архангельска (1989, 1990, 1993, 1994, 1996, 1999), благодарностями Поморского университета «за активную работу со студентами-практикантами», дипломами и сертификатами за работу в жюри городских предметных олимпиад школьников по русскому языку,

литературе, за работу в городской медальной комиссии, за победу ее учащихся в различных конкурсах. Есть грамоты «за хорошую организацию учащихся по заготовке сена в совхозе «Мошинский» Няндомского района», «за участие в общественной жизни села» (1979, 1980), за активную работу в трудовом лагере «Лесовичок» Няндомского лесхоза (1984), за 1-е место в соревнованиях по водному велосипеду (1986 – за подписью главврача санатория «Беломорье»), победителю смотра личных библиотек по художественной и методической литературе (1974), за активное участие в лыжных гонках (1980) и так далее, и так далее – всех не перечесть! Такова огромная профессиональная и общественная работа Галины Александровны.

Галина Александровна – замечательная мать, воспитала двух сыновей, у нее внучки Елена и Анна, внук Юрочка. Она прекрасная хозяйка и просто интересный человек, про таких говорят: «баловень судьбы». Галина Александровна любит цветы, в квартире распускаются розы, жасмин, лилия, фиалки, орхидеи, амариллис, шефлера, спатифиллум (растение-парус), есть лимонное дерево, ананас, пальмы. Любит кошек. Они живут в ее доме по двадцать лет: была сибирская кошечка, сиамский кот, а сейчас – белый персидский котик. У Галины Александровны много книг русской и зарубежной литературы, книг по искусству. Она любит поэзию, особенно А. Пушкина, С. Есенина. Приобретает и читает многие современные издания, такие, например, как: «Все чудеса света» Л. Яноша, «Семь чудес России и еще 42 достопримечательности, которые нужно знать», «Русские богини», Энциклопедия Царей и Императоров России IX–XX веков и т.п. У нее замечательное собрание книг по домоводству, кулинарии. Галина Александровна любит путешествовать, хранит альбомы, открытки, фотографии мест, в которых побывала. У нее обширная коллекция «Энергия камней».

Ученики и коллеги-учителя не забывают Галину Александровну, пишут ей, звонят, всегда поздравляют с днем рождения, посвящают ей песни, стихи, приходят в гости. Они знают, что всегда получают в ее доме добрый совет, заряд бодрости и оптимизма. Приведем слова из благодарственного

письма, подписанного директором школы № 10: «Вам, истинному учителю, посвятившему 46 лет школе и детям, присущи самоотверженность, мудрость, терпение, неиссякаемый оптимизм. Вы отдавали детям свои силы, время, душу – и сами становились сильнее и богаче. У Вас есть много поводов для гордости: Вы достойно воспитали не одно поколение учеников, учили их добру, справедливости, порядочности. И Вы по праву носите почетное звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». Спасибо Вам за каждодневный кропотливый труд, мастерство, творчество, щедрость души, за преданность своему делу».

О себе Галина Александровна говорит словами любимого поэта:

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утратив молодость свою.

Да, «и жить стоило, и работать стоило!» – сказал бы В. Маяковский. Так говорим и мы, ее друзья-однокурсники!

Г.С. Лузгарева

Дружба, понимание – вот главное

Прошло 50 лет, как мы окончили пединститут... За плечами большая жизнь. Пришло осмысление, что не только знания дал нам историко-филологический факультет. Вузовские преподаватели учили нас любить свою Родину – Советский Союз, уважать братские народы. И спустя годы память высвечивает значимость преподанного нам человековедения: принять человека таким, каков он есть, уметь сопереживать, даже если перед тобой еще совсем не взрослые.

В 1970 году я переехала из Вилегодского района в поселок Первомайский, теперь это город Новодвинск. Стала работать в школе-новостройке № 78 (теперь школа № 6 Новодвинска). К этому времени у меня уже был некоторый педагогический опыт и определенное признание: медаль «За доблест-

ный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почетные грамоты, публикации в газетах. Коллектив 78-й школы выдвинул меня депутатом в Первомайский поселковый Совет, а вскоре я была назначена заведующей учебной частью школы. В 1970 году в поселок приехали рабочие и инженеры из солнечной Болгарии строить деревообрабатывающий комбинат. Многие из них были с семьями. Так 1 сентября 1970 года в новую школу № 78 пришли учиться болгарские дети. Мы сначала опасались, поймут ли нас болгарские ученики, справятся ли с учебной программой, подружатся ли с нашими детьми. Бывали, конечно, недоразумения. Помню, пришла ко мне мама одного мальчишки: «Чавдар жалуется, что мальчишки его дразнят». Пришлось серьезно поговорить с ребятами: «Вы же не хотите международного скандала?» Или: однажды на уроке отпускаю шутку: «Что ты сидишь, как ангел в отпуске?» А в классе засмеялись: «Галина Степановна, его же зовут Ангел!»

Болгарские дети были в основе своей старательны, усердны и доброжелательны. А как почтительно они относились к атрибутике своей страны! Замирали при исполнении Гимна Болгарии, с воодушевлением пели песни своей родины. Тогда в школе сложилось немало прекрасных традиций, открыли музей советско-болгарской дружбы, торжественно отмечали праздники Народной республики Болгарии. Учителя нашей школы: Л.К. Климчук, Р.Ф. Дерябина, З. Афанасьева, М.Ф. Пластинина и я – были награждены знаком «За много добра работа».

В честь дружбы наших народов одна из улиц поселка в год 40-летия НРБ была названа именем Г. Димитрова, и поэтому был праздник улицы Димитрова. Это было в 1984 году. С группой учителей после праздника решили зайти ко мне (я жила на улице Димитрова) и вспомнить наших болгарских ребят. Всматриваемся в фотографии. Вот сестры Кина и Росица, вот комсомольский вожак Боряна Димитрова, приветливо улыбается со снимка Миша Лаловски...Прошли годы. Разъехались наши воспитанники, но, видно, удалось нам заложить в их умы и души не только знания, но и оставить добрый

след. Многие учителя долго получали письма из Болгарии: «Сердечный привет учителям Вашей школы... Спасибо вам за сердечность, за теплоту, которую ощущали наши дети, находясь рядом с Вами. Иванка Иванова Николаевская», – пишет мать одного из учеников. Много писем, поздравлений храню я. «Здравствуйте, дорогая Галина Степановна! Помните ли Вы меня? Я часто вспоминаю Архангельск, жизнь в нашем поселке. Да разве можно забыть человека, который открыл передо мной огромный мир прекрасного русского языка, русской литературы. Теперь русский язык стал для меня вторым родным языком. Может быть, я бесконечно счастлива, что живу и учусь в Советской стране, но не могу еще хорошо осознать это...» – из письма Доры Панайотовой, 29 ноября 1977 года.

Я старалась вовремя отвечать на все письма. Поехала по туристической путевке в Болгарию с надеждой увидеть кого-то из наших учеников. Нам представляется гид: «Я Павлина Павлова. Училась в поселке Первомайском. И Вас, Галина Степановна, узнаю!» Обнялись, как родные! Сколько воспоминаний! Неожиданно я предложила: «Спой, Павлина!» С большим подъемом и задушевностью она запела: «Славься, Болгария, сама една, една, наша-то родна, мила страна», а я подпевала. А туристы в автобусе подхватили эстафету: «Широка страна моя родная...», «Подмосковные вечера». Бежал болгарский автобус, оставляя за собой русские песни.

Наши встречи с Павлиной на этом не закончились. Она писала мне, попросила сделать вызов в Советский Союз, чтобы навестить друга в Свердловске и увидеть Новодвинск, встретиться с одноклассниками. И все это состоялось. Павлина приехала, со всеми увиделась. Жаль, что я не знаю о ее дальнейшей судьбе, переписка наша почему-то прекратилась... А болгарско-русский разговорник я все еще храню...

Г.А. Сметанина

Наш куратор – ветеран Вениамин Павлович...

Вениамин Павлович Поляков более пяти лет работал в моем классе как старший наставник, ветеран Великой Отечественной войны. Работа с ним вспоминается как праздник. Ребята, общаясь с ним, теплели душой. Он был для них словно родник, из которого хочется напиться, словно костер, около которого можно согреться. Вениамин Павлович делился с учащимися своим талантом, добротой, интеллигентностью, желанием жить полной счастья жизнью. В восемьдесят лет он все еще ездил в Онегу на репетиции, ставил в народном театре спектакли, а возвращаясь, рассказывал обо всем интересном ребятам. Они слушали его, боясь проронить хоть слово...

Однажды Вениамин Павлович предложил поставить нашим классом спектакль по пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор». Проводил по две–три репетиции в неделю. После них не спешил уходить от ребят, устраивал с ними турниры в шахматы, шашки, сам играл и радовался, как дитя, если выигрывал. Первыми увидели нашу постановку родители. Они пришли в школу, как в театр: с цветами, коробками конфет. Не просто было узнать своих детей, так умело загримировал их под героев пьесы Вениамин Павлович! На городском конкурсе «Театральная капель» наш спектакль занял II место из 15-ти постановок.

Вениамин Павлович приходил к нам на уроки литературы, читал стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина. Учителя школы попросили его быть председателем жюри на общешкольном конкурсе чтецов стихотворений А. Фета, Ф. Тютчева, И. Бунина. Для участия в школьном историческом фестивале он подготовил с моими учащимися инсценировку рассказа А.Г. Аверченко «Русский в Европе». Когда мы классом съездили в Москву, затем в С.-Петербург, ребята наперебой делились с ним впечатлениями об увиденном. Он слушал, добавлял, уточнял... и о Кремле, Оружейной палате, Поклонной горе, Домике Петра I в Коломенском, привезенном из Архангельска... Говорил с ними о Зимнем дворце, музее Пушкина, Павловском дворце и парке – обо всем, что видели, запомнили мои ребята-экскурсанты. Одним словом, жил с нами одной жизнью, нашими интересами.

Вениамин Павлович провел в нашей 10-й школе не один так называемый классный час, не один урок мужества, которые у него были по-настоящему «классными». Трогательно-эмоционально он рассказывал о своем участии в Великой Отечественной войне, на которой оказался в 19 лет, о том, «как любили на войне трепетно и нежно», читал стихи поэтов-фронтовиков А.Т. Твардовского, С.С. Орлова, Л.В. Решетникова, своего земляка, Е.П. Токарева, поэта из Онеги, многих других. Под его руководством мы создали рукописную Книгу памяти, памяти о наших дедах, вечно живых солдатах Великой Отечественной... Сочинения получились откровенными, искренними, добрыми. Вот их названия: Моркунцов А. *Дошел до Берлина!*; Уланов А. *Священная война*; Пензенцева Ж. *Домой не вернулся солдат*; Тяпуева К. *Солдат Победы*; Черкасов Д. *Мы помним!*; Андрианова М. *Их породнила война*; Тюкавина В. *Ради жизни на Земле*; Шабанов М. *Об этом страшно помнить, но еще страшнее позабыть...*; Фатеева И. *В бессмертие ушедший*; Ушаков Д. *Навеки девятнадцатилетний* и т.д. Сколько было собрано ярких высказываний, нужных мыслей, цитат, стихов, подобрано иллюстраций! А ребятам было важно услышать слова одобрения от своего шефа, наставника-ветерана Вениамина Павловича.

Замечательно, что мы были знакомы, вместе работали с таким человеком, как Вениамин Павлович! Мои ученики отвечали ему любовью, вниманием, признательностью.

Г.А. Сметанина

Не отрекаются любя

Полстолетия прошло, как я окончила педагогический институт, а кажется, что это было только вчера – так свежи воспоминания.

Время нашей юности – прекрасное, счастливое время, несмотря на то, что у многих отцы не вернулись с Великой Отечественной. Так было и в нашей семье, мама растила нас, сына и трех дочерей, одна, растила в любви,

заботе друг о друге, так, чтобы мы не знали беды. Я, младшая, поступила в институт, это стало подарком судьбы.

Мы, четырнадцать девочек из разных мест области, оказались в одной большой комнате незабываемой «семисотки». Мы сразу нашли здесь друзей, всегда поддерживали друг друга, не умели ссориться. Для нас работали кружки: хоровой, танцевальный, кройки и шитья, спортивные секции. Первые мои друзья: Эля Алсуфьева – староста нашей группы, Миля Мякокина – девушка с прекрасными длинными косами (предмет зависти девчонок), Марта Кожукова – веселая и жизнерадостная, Варя Канева и Катя Губкина – рассудительные, хозяйственные.

У нас была традиция писать друг другу открытки, в дни рождения дарить книги. Я до сих пор бережно храню открытки Клавды Носовой, Муси Антроповой, Тоси Потепаловой, Нины Яценко... Катя Губкина на открытке с картины «Неравный брак» В. Пукирева приписала: «Пусть у тебя, Галинка, не будет такой свадьбы!» Юра Скобелев написал такие теплые слова, что согревают и сегодня: «Пусть исполнится все, что ты, Галя, желаешь! Пусть всегда тебе светит солнце! Пусть всегда искрится радость в твоих лучистых глазах!» С романом «Война и мир», иллюстрированным В.А. Серовым, подаренном мне Рудиком Ханталиным и Юрой, я не расставалась все годы работы в школе, все 47 лет.

Сама атмосфера на факультете, в институте была пропитана доброжелательностью, искренностью отношений. Нам могли написать поздравление, приглашение руководители кружков, комсомольское бюро, куратор группы, даже декан. «Дорогая Галочка! Поздравляем тебя с окончанием полугодовой практики (значит, это 5-й курс. – Г.С.) в Ивакшанской школе Няндомского района. Желаем, чтобы твой класс всегда был лучшим во всем, как это было у тебя на практике. Комсомольское бюро факультета». Мои ученики из этой школы (Коля Хотян, Галя Доронина, Люба Юшкова, Коля Гормин, Люда Демидова) после окончания практики писали мне: «Не забывайте нас, пишите»,

«Приезжайте на следующий год. Мы ждем Вас», «Будьте всегда счастливы и красивы, как эти цветы на открытке» и т.д.

Помнится все: и работа «на картошке», диалектологическая экспедиция с Маргаритой Викторовной Сыромлей, поездки к Тамаре Лукиной на Сульфат на изумительные торты, которые пекла ее бабушка, работа вожатой отряда в пионерском лагере, педпрактика на IV курсе в школе № 9 Архангельска – вместе с Мартой Кожуковой... – все, как будто было недавно.

По распределению я поехала работать в Няндому, школу № 1 имени А.С. Пушкина. Деревянное, довольно старое здание вскоре стало для меня родным, любимым. Учителя помогли «утвердиться» в профессии: замечательный директор школы Л.Е. Шубина, строгая и справедливая завуч В.А. Трапезникова, учителя начальных классов, которые передали мне своих детей: Н.Н. Манушкина, М.Д. Прялухина, Т.Д. Лукина, Л.П. Кованова.

И школа имени Пушкина, и мой любимый поэт – Пушкин, и по пушкинским местам я уже совершила путешествие... – все складывалось радостно и счастливо. В моих учебных школьных кабинетах всегда были оформлены материалы о Пушкине. Для меня и моих учеников он стал не только поэтом, но идеалом человека чести, совести, высокой нравственности. Пушкин и его поэзия стали частью моей жизни, моей педагогической работы. Когда мне трудно, я открываю томик стихов Пушкина. Я открываю его при самых разных состояниях души – и чувствую, как мощная духовная сила наполняет все мое существо... Я открываю его всю свою жизнь...

Я всегда жила по принципу: «Надо, значит, надо!». Выступала на педсоветах, августовских совещаниях учителей района, вела вечера «От всей души» в клубе железнодорожников, от имени интеллигенции обращалась с трибуны к трудящимся города Няндомы на демонстрациях, приветствовала со своими учениками приезжавшего в Няндому артиста Евгения Леонова, вручала ему необыкновенной красоты каравай, испеченный на Няндомском хлебозаводе. Будучи профоргом, в середине 80-х, когда школа не могла приобрести новогодние подарки, решила ехать за ними в Москву, взяв с собой

старшего сына-семиклассника. В ГУМе, купив всего десять подарочных наборов, я раздала деньги людям, стоящим в очереди (никто не отказался!), и они купили нам эти наборы. В школе в костюме Деда Мороза я радостно вручала детям учителей эти необыкновенные для тогдашней Няндомы подарки.

Время было не простое, но замечательное: было общение, коллективные дела, дружба. Проводили литературные вечера, посвященные Пушкину, Блоку, Маяковскому, инсценировали пьесу В. Розова «В добрый час». Часто ходили с учащимися в походы, организовывала экскурсии в Москву, Ленинград, Киев, ездили по историческим местам (Севастополь – Одесса – Ялта – Кишинев), по местам Краснодарского подполья, свозила их и по пушкинским местам. На заработанные в трудовом лагере «Лесовичок» деньги съездили даже в солнечную Грузию на сбор чая: утром работали по два–три часа, а потом нас отвозили в Сухуми на пляж или на экскурсии. Вот такая страсть к путешествиям, знакомству с новыми местами жила во мне все годы работы в Няндоме, это чувство было развито и в моих учениках.

В 1987 году я с семьей переехала в Архангельск, но связь с Няндомой, школой имени Пушкина не теряла. Ко мне приезжали коллеги: директор школы Л.Е. Шубина, учитель химии В.И. Охоботова, музыки – Н.В. Носова, труда – Н.В. Волкова. Писали мне, желали «вдохновения и творчества, счастья и женского очарования (помним Вас именно такой)».

В 2002 году состоялся последний юбилей – 65-летие школы, учителя, выпускники школы ждали меня: «Мы помним Вас: уроки Ваши и МО, общественной работы было море. И орден «Знак Почета», и звания «Отличник просвещения», «Учитель-методист» Вы получили в нашей школе!» Праздник получился теплый, радостный... Летом здание школы снесли.

Но школа жива в людях, ее выпускниках и учителях. Восемнадцатого марта 2012 года мы отметили 75-летие школы. Я снова не могла не поехать. В Доме детского и юношеского творчества состоялась встреча, собралось больше трехсот человек. Учителя, выпускники разных лет пришли на встречу

с юностью... улыбки, цветы, благодарности, слезы... Было немало и моих выпускников, первым из них – уже за шестьдесят. Все они остались верны родной Няндоме, нашли свое место в жизни. В своих выступлениях особенно вспоминали наши литературные вечера, спектакли, походы. В статье «Есть школа, которая снится...», напечатанной в газете «Авангард» 21 марта, есть такие строчки: «К радости многих пушкинцев специально на вечер приехала из Архангельска бывшая учительница русского языка и литературы, ныне заслуженный учитель Галина Александровна Сметанина. Все такая же – стройная и обаятельная, восторженная и милая...» На второй день я посетила музей «Дом Няна», которым руководит моя выпускница Малышева Елена, затем – первую учительницу моего старшего сына М.Д. Прялухину (ей 90 лет). Далее была встреча в кафе со вторым моим выпуском, а потом – и с первым в домашней обстановке у Татьяны Корниловой. Была здесь и первая их учительница начальных классов Л.П. Кованова. Такие встречи незабываемы.

Я благодарна институту не только за годы учебы, атмосферу доброты, творчества, но и за то, что я была нужна ему и как наставник ее новых студентов. Почти ежегодно и в Няндомской школе, и в школе № 10 Архангельска я принимала их на педагогическую практику, работала вместе с методистами Т.И. Пашенко, Л.Н. Роговой, Л.С. Скепнер, Т.Н. Плешковой, Е.Н. Колесниченко. Я подпитывалась юностью студентов, выделяла новое и интересное в работе методистов-преподавателей нашего вуза.

Помню своих первых практикантов в Няндоме: Дубовцеву Ольгу Ивановну и Сизову Татьяну Николаевну. Они долго потом писали мне, передавали приветы ученикам 10-Б класса, моим сыновьям, особенно младшему, с которым, наверное, приходилось играть, пока мама занималась их конспектами. Храню пластинку Булата Окуджавы «Песни и стихи о войне», подаренную практикантками Н. Порохиной и Н. Сабриной» с надписью: «Галине Александровне, талантливому учителю, замечательному человеку от студентов III курса АГПИ».

Помню многих студентов, особенно Музыкину Валю, Гузинец Анну, Тарутину Ирину, Ярыгину Марину, Злочастьеву Настю... Шеститомник Леонида Андреева подписан студентами V курса ЛиЯ И. Ивановой, О. Милантьевой, М. Гуляевой, М. Дружининой в 1994 году. И от преподавателей кафедры литературы есть в моем учебном кабинете сборник статей «Классика и современность» с надписью: «Дорогой, глубокоуважаемой Галине Александровне в знак благодарности и с лучшими пожеланиями. 14.06.1999.» И Элина Николаевна Осипова тоже приносила книги преподавателей кафедры русского языка.

Неоднократно пединститут приглашал меня как заслуженного учителя РСФСР в качестве председателя ГЭК на факультете русского языка и литературы. Я слушала ответы студентов-заочников по русской литературе, языку, тогда на заочном отделении учились именно учителя, и все стороны были заинтересованы в их глубоких знаниях. Я бываю на юбилеях факультета, вечерах памяти Н. Рубцова и др. Alma mater не забывает меня, а я ее.

Вот уже четырнадцать лет в дни Рождества у меня собираются друзья-однокурсники. Я благодарна им за дружбу длиной в 55 лет. Это встречи с нашей юностью, светлые воспоминания о счастливой студенческой жизни, наших преподавателях. То, что мы любили тогда, останется с нами на всю жизнь.

Жизнь не всегда праздник. Были и у меня печали, горести... Но я оптимистка, ведь два пути не пройти и от судьбы не уйти... Главное, чтобы сердцем человек был молод!

Э.Н. Осипова
Е.Д. Кузнецова

Николай Пиличев и Арзен Ухаль

С первого курса четверо наших юношей жили в одной комнате: Коля Пиличев, Арзен Ухаль, Гена Жданов и Юра Скобелев. Конечно, они были очень разными, но учились принимать и понимать друг друга, подружались. Мужчины дружат иначе, чем девушки.

Николай и Арзен отслужили в армии в наших северных краях. Коля – с Вологодчины, а Арзен – с Украины, Закарпатья, служить же пришлось в Исакогорке. Познакомились на вступительных экзаменах, они выделялись уже тем, что были одеты в армейское обмундирование: других костюмов у них не было. Служба, а затем один вуз, факультет сделали их, можно сказать, родными. Обоим учеба давалась нелегко, приходилось многое наверстывать, но учились старательно и хорошо.

Арзена на 4–5-м курсах Геннадий Монастырских позвал в Северодвинск работать в школе-интернате, а вскоре после окончания вуза Арзен был направлен на Высшие курсы КГБ в Минск, по окончании которых работал в управлении КГБ по Архангельской области. В 1964 году был переведен в Закарпатскую область, где работал восемь лет, учился в аспирантуре по кафедре истории в Ужгородском государственном университете, затем в аспирантуре Высшей школы КГБ в Москве. Работал советником в посольствах Кубы, Никарагуа, был ранен. С 1986 года Арзен работал в высших учебных заведениях Ташкента, Киева, Ужгорода. Он кандидат юридических наук, профессор, генерал-майор в отставке.

Коля работал в школе, затем в МВД, но вернулся в школу, стал директором Талажской средней школы, добился того, что было построено новое, кирпичное школьное здание, много сил приложил для его благоустройства. Он немного не дожил до своего 60-летия, о котором уже думал, спрашивал нас: «Как будем отмечать?». Обширный инфаркт по дороге из школы... Мы все были в его замечательной школе на прощании с ним. Как уважали его учителя, ученики, все жители поселка, как искренно говорили о его роли в развитии этого небольшого селения (Нефтебаза) Приморского района, хотели, чтобы школе присвоили имя Николая Павловича Пиличева. Но ведь этим должен был кто-то заняться, собирать материалы и документы.

У Коли сложилась замечательная семья: заботливая жена Валя, по образованию медицинская сестра, высокой квалификации, настоящая сестра милосердия. Как она ухаживала за больной Маргаритой Ивановной, как Коля

во всем помогал ей! А потом именно Коля и Валя постоянно следили за могилой Маргариты Ивановны на Смольном Буяне. Без Коли и оградка не покрашена, и портрет новый не сделан, укор нам всем.

У Коли с Валею замечательные, красивые и успешные дети: Володя и Лиля. Коля с сыном бывали в Савинском у Кати и Ивана Кузнецовых, гостили у них на даче в Шелексе, они подружились, обменивались саженцами для своих садиков. «Мы, – говорит Катя, – тоже бывали в семье Коли, наша дочь живет недалеко, в Талагах, так что не навестить Колю, не познакомиться с его дружной семьей мы не могли». Теперь Колина семья переехала в центр Архангельска, нужно передать Вале, детям на память наш сборник.

Коля всегда выделял Катю из девушек на курсе, сказал ей в те годы немало добрых и теплых слов. У нас на курсе было принято в памятные даты дарить друг другу книги, и Коля обязательно подписывал книгу Кате. В ее библиотеке все эти книги с замечательными словами Коли есть и поныне. Коля был настолько добрый человек, что готов был для друзей, знакомых, всех людей жертвовать всем. Живя в Архангельске, он заботился о своих уже стареньких преподавателях – Капитолине Ивановне, Анатолии Григорьевиче, всегда заботился о Володе Осипове, помогал всем, кто к нему обращался. Он считал себя сильным, здоровым и как будто обязанным за это другим.

Коля навещал Арзена, когда тот работал в Москве. Конечно, это был уже Арзен Михайлович, но студенческой дружбы он не забыл. Арзен звонил нам, Володя посылал ему свои книги, есть у Арзена и наш юбилейный сборник «Ровесник факультета», у нас есть его книга об убийстве Ярослава Галана, художественно-документальный сборник о генералах служб Закарпатья, составителем которого он явился, в настоящее время он работает над большой Книгой памяти. Лет пять назад Арзена в Ужгороде навестил один из студентов Р.А. Ханталины, а в 2011 году к Арзену из Северодвинска приезжал Геннадий Монастырских, друг юности, теперь доктор наук, профессор втуза. Арзен обещает вызвать сына из Москвы в Ужгород и приехать с ним (из-за ранения ходит Арзен с тросточкой) на 50-летие выпуска нашего курса.

Вот такие истории жизни двух наших однокурсников, которых знал не только весь факультет, но и весь, без преувеличения, институт. Их знали и помнили все преподаватели, комсомольское и профсоюзное бюро, а декан Г.Г. Фруменков не желал видеть лучшего старосту 1-й группы, чем Арзен Ухаль.

В.А. Бабушкин

Слово о друге юности

В студенческие годы я тесно общался с Валерой Шубиным. В общежитии мы всегда селились в одной комнате. Он окончил Кординскую среднюю школу, а я – Черевковскую. Прошли по конкурсу, стали студентами-историками и филологами одновременно. Учились неплохо, можно сказать, хорошо, хотя и без особых усилий. Нужно было еще и подрабатывать на жизнь, и спортом заниматься. Не помню, ходил ли с нами Валера на разгрузку-погрузку вагонов на станции Левый берег, он не был сильным и выносливым, но был хорошим товарищем и умным собеседником, не лишенным чувства юмора.

В 1960 году в институт приехал директор Михалевской средней школы Устьянского района Мымрин Александр Александрович. Он пришел к нам на курс вместе Г.Г. Фруменковым, чтобы просить кого-то из нас поехать в школу. В новой Михалевской школе не было учителей русского языка, литературы, истории. И мы, два друга, два Валерия, откликнулись: решили поехать в Михалево. Он вел уроки истории, а я – русского языка и литературы. Поселили нас в финском, как тогда говорили, домике, где жил физрук. На экзаменационные сессии мы приезжали и успешно сдавали зачеты и экзамены со своими однокурсниками, все поддерживали нас, и однокурсники, и преподаватели, так что мы окончили институт вместе со своим курсом.

После окончания института сначала меня, а потом и Валеру призвали в армию. Он служил в Ленинграде, в охране одного из высших военных учре-

ждений. Разыскал там Володю Осипова, который был аспирантом ЛГПИ, общался с ним. Девушки, которые переписывались с Володей, всегда передавали привет Валере.

Но наши пути разошлись. После службы в армии Валера уехал в Тульскую область, женился. А мы с Мартой стали жить в Луге, где я сначала служил. Валера работал в школе, был директором школы. Через несколько лет, когда мы уже переехали в Архангельск, я встретил сестру Валеры Тамару. Она бывала у нас и раньше. От нее я и узнал о горестной судьбе Валеры, его гибели. Как обычно, на мотоцикле поехал с сыном за молоком – всего за километр от дома – и на обратном пути не смог разъехаться с какой-то встречной машиной. Сын получил сильные ушибы, а Валера разбился насмерть.

В моей памяти Валера остается отличным товарищем и другом, прекрасным учителем.

В.А. Бабушкин,

Династия Бабушкиных

У нас, Бабушкиных, сложилась настоящая учительская династия, насчитывающая уже три поколения. Мой отец, Александр Иванович (1914 года рождения), и мать, Евгения Васильевна (1912 года рождения), учились в Вологодском педучилище, там и поженились. Отец был родом из села Леденгское (теперь Бабушкино) Вологодской губернии. Там жили двоюродные братья Иван Васильевич (сподвижник В.И. Ленина в революционной деятельности) и Иван Григорьевич, мой дед. Его дети по-деревенски прозывались «Гришата»: Георгий, Сергей, Александр, Иван, Тоня и Раиса.

Отец и мать после окончания педучилища получили направление в Холмогоры. Отец был директором детского дома (по отзывам, очень заботливым и думающим), потом заведующим районо. С этой должности он и ушел на фронт в 1941 году. Был тяжело контужен (имел группу инвалидности), окончил войну в Польше, в звании капитана. После войны наша семья

обосновалась в Цигломени, отец опять был заведующим районо, потом председателем райисполкома. Окончил партийную школу в Архангельске, и начались переезды по месту его назначений: он на партийной работе в Двинском Березнике, председатель райисполкома – в Черевкове, директор леспромхоза – в Киземе, наконец, директор школы и учитель истории – в Лингострове. Отец хорошо играл на гармошке, неплохо пел. Меня всегда звал «Валерушкой». Очень хотел отметить грядущее 70-летие, но не дожил до этого дня. Похоронен на берегу реки Юрос, на небольшом деревенском кладбище.

Мамушка, куда бы мы ни переезжали, всегда работала учительницей начальных классов. И своих детей в семье было шестеро, я – старший. Давно уже нет ее с нами (скончалась в 1986 году), но ее образ всегда передо мной: голубые лучистые глаза на светлом лице, добрая, чуть виноватая улыбка. Она очень любила песню об Учителе. До сих пор помню, как тонким голоском она задушевно выводила:

Может, будет трудно, небогато,
Буду жить, свой выбор не браня,
Понимаешь: ведь мои ребята –
Это продолжение меня.

Ни одно семейное застолье не обходилось без этого: я играл на баяне и подпевал маме, а припев подхватывали все Бабушкины:

Учитель! Сколько надо любви и огня,
Чтобы слушали, чтобы верили,
Чтобы помнили люди тебя!

Конечно, в песне – сущность учительского труда! Сколько за свою жизнь отец и мать вырастили хороших людей, направили их по верному жизненному пути.

В такой учительской семье подрастали дети, перенявшие от родителей уважение к профессии учителя, интерес к книгам, умение организовать детвору на полезные дела. С благословения отца я поступил в педагогический институт. Работал в Устьянском районе в Михалевской школе. Женился на

однокурснице Марточке Кожуковой, там у нас родилась Светочка. Отслужил в армии: сначала в Луге, потом под Витебском, имел офицерское звание.

После моей демобилизации основались в поселке Оредеж Лужского района. Более десяти лет Марта работала учителем русского языка и литературы в средней школе, я – учителем истории в школе-интернате. Получили отличную квартиру, у нас родилась вторая доченька.., но потянуло домой, в Архангельскую область, к своим, так сказать, корням.

Переехали в Архангельск... Снимали квартиру, затем получили жилье в деревянном доме и с подселением – в районе Опытного поля. Наконец, в 1993 году волею случая, можно сказать, получили двухкомнатную квартиру на Ленинградском проспекте, 343. И я, и Марта работали учителями школы № 28. Позже я попробовал себя в качестве преподавателя пединститута, затем перешел на работу в лесотехникум. Главное для меня – интересный рассказ учителя, преподавателя на занятии, стремление вызвать интерес к преподаваемому материалу. Среди моих наград в семейном архиве грамоты за спортивные достижения (я всегда занимался штангой), за исполнительское мастерство (пел в хоре воинской части, даже на стадионе в Борисове, как «Песняры»), Почетные грамоты за добросовестный труд, за успехи в воспитании подрастающего поколения.

Старшая моя сестра, Галина – преподаватель музыкальной школы в Котласе. У брата Виктора жена Ирина Юрьевна – преподаватель истории, заведующая подготовительным отделением АГПИ–ПГУ имени М.В. Ломоносова. Жена младшего брата Владимира, Валентина Михайловна – учитель математики в школе Новодвинска, в настоящее время руководит психологическим центром. Одним словом, в семье каждого из нас, детей Бабушкиных, «прописывается» учительская стезя.

Особо хочется сказать о моей жене Марте Николаевне. Сорок лет отдавала она школе. Каждое лето – за книгами, новыми разработкам: это и задания по дифференцированному обучению, и программа внеклассной работы по литературе на основе произведений писателей Севера, наконец, авторская

программа «Обучая – воспитывай». Каждую грамматическую тему по русскому языку объединял текстовый материал, его содержание: например, при изучении раздела «Обособленные члены предложения» – тексты на тему «Священная война»: повесть С. Смирнова «Брестская крепость», книга о создании мемориала «Героическим защитникам Бреста», стихи о подвиге Бреста. Это сочеталось и с внеклассной работой: конкурсами выразительного чтения, подборкой иллюстраций к книгам, встречами с ветеранами Отечественной войны. За разработку подобной программы для 6-го класса в 1993 году Марта стала победителем Всесоюзного конкурса педагогического мастерства. Опыт ее работы обобщался преподавателями кафедры русского языка АГПИ, она выступила с докладом «Урок русского языка – урок гражданственности» на областной научно-практической конференции «Опыт, проблемы и пути формирования гражданской зрелости молодежи», проходившей в пединституте 29–30 мая 1986 года. Тезисы доклада были опубликованы в сборнике материалов этой конференции. Марта Николаевна рассказывала о своей программе учителям на курсах в ИУУ.

В 1985 году Марте было присвоено звание «учитель-методист», чем она очень гордилась: ведь собственные методические разработки всегда увлекали ее, были делом ее жизни. В 1994 году Марту Николаевну наградили знаком «Отличник народного просвещения», а в 1999 году она получила звание заслуженного учителя Российской Федерации. В 1999 году в издательстве ПГУ вышла работа Марты Николаевны «Уроки словесности и речетворчества в пятом классе: из опыта работы учителя». Книжка имела большой успех среди учителей, так как ее материалы были направлены на решение проблемы речевого развития, овладения речевой культурой родного языка. В 2002 году в ПГУ вышла книга «Русский язык в системе развивающего обучения: методические материалы для учителя», инициатор издания которой наша однокурсница доцент кафедры русского языка Осипова Элина Николаевна включила в книгу материалы о работе в начальных классах Алсуфьевой Фаины Савватьевны, своей матери, и далее о работе в пятом классе

– материалы Бабушкиной Марты Николаевны. Этим пособием учителя пользуются и в настоящее время.

Дети учителей – тоже учителя! Обе наши дочери окончили педагогический институт. Старшая, Светлана, прямо пошла по нашим стопам: окончила историко-филологический факультет АГПИ и вот уже более двадцати лет работает учителем русского языка и литературы. Учащимся школы № 33 повезло: Светлана Валерьевна «использует современные образовательные технологии, личностно развивающие технологии, позволяющие каждому ученику проявлять творчество, инициативу, мыслительную активность», – так отмечено в заключении по материалам аттестации, проходившей в 2010 году. Ученики нашей Светланы – участники городских конкурсов, олимпиад, сама она – член жюри городских олимпиад, экспертной комиссии по проверке ЕГЭ. Светлана, как и мама, ратует за многогранное развитие детей: проводит экскурсии в музеи, походы в Малые Корелы, организует их участие в литературных встречах в библиотеке имени А. Гайдара и многое другое.

Наша младшая дочь Евгения, названная в честь моей мамы, окончила факультет иностранных языков. Педагогическую практику она проходила в школе № 8. Ирина Федоровна Демина, наша однокурсница, вспоминает: «Обе дочери Валеры и Марты оказались у меня на практике. Светлану я знала. И ее работой всегда была довольна: ее конспекты не требовали серьезных доработок, поправок, уроки вела уверенно, ученики откликались на просьбы и предложения начинающей учительницы. А с Женей я «познакомилась» так: моя бывшая ученица, уже студентка иняза Чурина Елена, попросилась ко мне на практике вести классное руководство – вместе с подругой. И вот они пришли обе. – «Как вас зовут? – спрашиваю подругу Лены. – И слышу: «Евгения Валерьевна». – «Бабушкина?» – вырывается у меня. – «Да... А вы откуда знаете?» Я не была у Бабушкиных несколько лет, а Женю вообще видела шестиклассницей, веселой, общительной девочкой, а тут передо мной стояла красивая, стройная девушка, взрослая и серьезная. Женя, как и Светлана, тоже была хорошо знакома с учительской работой, талант родителей передался

и ей. Она не только проводила запланированное мною, но предлагала и проводила многие интересные дела: увлекательные викторины, экскурсии; ее доброжелательность, жизнерадостность не могли не отозваться в сердцах учеников».

И у моих сестер, братьев дети тоже пошли по учительской стезе. Сын Галины – Владимир – тоже учитель музыки в одной из средних школ Котласса. Сын Виктора и Ирины – Андрей – учится в пединституте. Дочь младшей сестры Аллы – Елена – педагог-психолог в одной из школ Новодвинска.

Вот сколько учителей, педагогов Бабушкиных! И для всех нас эта профессия – не формальная дань жизни, а призвание. Призвание сеять разумное, доброе, вечное.

Е.Н. Покровская

Спроси у жизни строгой, какой идти дорогой...

В школе № 93 Лазаревского района города Сочи вот уже сорок лет трудится удивительный Учитель – Галина Ливерьевна. Каждое утро – неизменно с улыбкой – входит она в класс. Класс-дом, класс-семью, класс-театр... Здесь вся ее жизнь, с ее радостями и переживаниями, победами, встречами, расставаниями...

Этот учитель – моя мама, выпускница Архангельского педагогического. После окончания института она работала в своем родном Черевкове, в санаторной школе-интернате, где нравилось все, но... дети в классе менялись каждые полгода. Мама уехала к брату в Свердловск, пять лет работала в школе-интернате, детском доме, где воспитывались 600 детей, чьи родители были лишены своих родительских прав. «Вот это была школа жизни! – вспоминает мама. – Работали по системе Макаренко. Встречались с Фере (Шере), Карабановым (Калабановым)...».

Вышла замуж за директора чайноводческого совхоза под Сочи, куда возила своих подопечных в летние месяцы трудиться. Так и стала учительствовать в этой школе поселка Аше. «Очень люблю свою школу, свой кол-

лектив, детей, а третья часть их – адыгейцы, я для них – русская мама», – говорит Галина Ливерьевна.

Проходят годы. Дети вырастают, приводят в школу своих детей, и непременно к Галине Ливерьевне. Она сможет окружить их материнской любовью, добротой и лаской, научит отличать доброе от злого, правду от лжи, научит любить Родину, ее народ, язык. Сумеет разжечь из искорки любопытства большой костер любви и уважения к миру.

Трудно отыскать место, где бы не побывала Галина Ливерьевна со своими учениками: Красная Поляна и город-герой Новороссийск, Минск и Киев, Таллинн и Рига, Санкт-Петербург, Москва, Рим, Париж... Музеи, спектакли... А сколько книг прочли, думали над ними, обсуждали...

Какая она, их любимая учительница? «Самая красивая!», «Самая добрая!», «Самая лучшая!», «Самая справедливая!», «Самая умная, знающая!», «Самая! Самая! Самая!» – так считают ее ученики. А они для Галины Ливерьевны «самые чистые и добрые, честные и отзывчивые, самые улыбочивые и непоседливые...» – словом, тоже самые-самые. А как по-другому? Ведь для нее Школа – все: душа, любовь, жизнь.

Взрослеют дети, но не остаются без внимания Галины Ливерьевны их судьбы. Все знает она о своих выпускниках, они пишут ей, звонят, приходят в гости. И все они состоялись, они честные, добрые, во многом успешные...

Мама награждена многими Грамотами, есть среди них и особая – «За верность профессии», она учитель высшей категории, «Учитель-методист», «Отличник народного просвещения», «Ветеран труда».

И хотя я родилась в Сочи, но, как и мама, люблю Север, куда она каждое лето едет хотя бы на месяц, куда всегда возила нас с братом в детстве. Я и сейчас бываю у бабушки Глафиры Ивановны в деревне Наумцево в Черевкове. А главное, я окончила тот же Архангельский государственный педагогический институт имени М.В. Ломоносова, тот же историко-филологический факультет, отделение русского языка и литературы (ректор института Владимир Николаевич Булатов даже пошутил на распределении: вот, мол,

готовим учителей уже для Краснодарского края), узнала маминных преподавателей и даже училась у некоторых из них, и вот уже почти двадцать лет тружусь в школе № 83 города Сочи, как мама, веду детей в мир знаний дорогою добра.

Хочу выразить глубочайшее признание однокурсникам мамы за то, что помнят ее, несмотря на расстояния и годы, их разделяющие, пишут, приглашают на встречи. Огромное спасибо Элине Николаевне – моей преподавательнице, огромный привет Людмиле Витальевне Федоровой, Тамаре Васильевне Щуровой, моим однокурсникам, нашему институту! И счастливого ему дальнейшего пути, развития в составе нового объединения под именем САФУ!

Вместо заключения

Таким получился наш сборник воспоминаний. Он нужен прежде всего нам: мы хотим оставить свой след в истории пединститута, тем более – мы часть его истории. Но, думается, сборник пригодится и другим, всем, кто умеет помнить своих учителей, друзей, всех, кто нес ему в жизни добро и свет.

Закончим строками-афоризмами философа Владимира Осипова:

Всей жизни свойственно рождение –
И смерть в конце, и продолжение
Существования потом,
Но в поколении другом.

* * *

Из поколенья в поколенья
Живое вновь себя творит,
Знать, жизни самообновленье
Свой вечный двигатель хранит.

* * *

Мы жизнь такую принимаем
И ценим суть ее такой,
Какой в себе переживаем, –
В сопоставлении с собой.

* * *

Мы не стареем в собственных глазах:
В сознание постоянство сохраняя,
Все теми же себя воспринимаем,
Какими были много лет назад.

* * *

По-своему жизнь хороша
В любую в ней должную пору:
Была бы при деле душа,
В надежде имея опору.

* * *

Есть в жизни много повелений –
Для нас, для прочих поколений;
Но есть одно – для всех, всегда:
Оно – от Высшего суда.

* * *

Жизнь должна быть любимой

И любовью хранимой,
Чтобы крепнуть и длиться –
И победно вершиться.

Вспоминая студенческие годы

Сборник материалов

Составитель Осипова Элина Николаевна

Печатается в авторской редакции

В сборнике использованы фотографии из личных архивов авторов